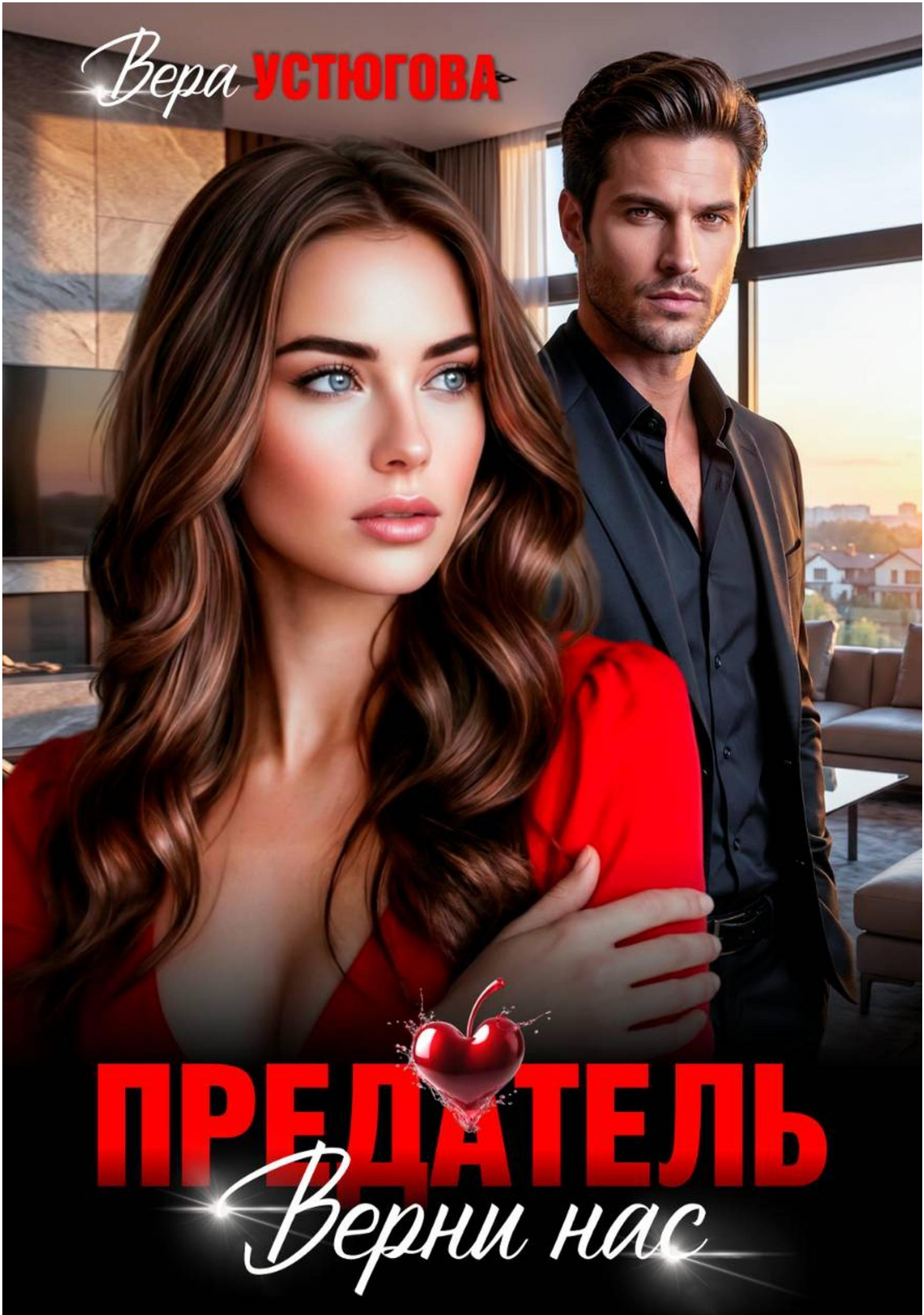
Вера УСТЮГОВА

ПРЕДАТЕЛЬ

Верни нас

Вера Устюгова

Предатель. Верни нас

«Автор»
2026

Устюгова В.

Предатель. Верни нас / В. Устюгова — «Автор», 2026

Он обещал любить меня всю жизнь, но одна ночь разлучила нас навсегда. Страшная авария, травма головы и амнезия – он смотрел на меня, как на чужую. Раздраженно и с отвращением. А я в этот момент носила под сердцем нашего ребенка.Прошло семь лет. Опять больница, врачи и диагноз – у моей дочери порок сердца, срочно требуются операция и много денег.Он – предатель, но я готова вернуться в родной город и на коленях просить у него помощи.

© Устюгова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
От автора 8
Глава 1 9
Арина Новосельцева 13
Артем Демидов 16
Глава 2 18
Глава 3 21
Глава 4 24
Глава 5 28
Глава 6 30
Глава 7 34
Глава 8 36
Глава 9 40
Глава 10 42
Глава 11 44
Глава 12 47
Глава 13 51
Глава 14 54
Глава 15 57
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Предатель. Верни нас

Пролог

– Арина Дмитриевна, – обращается ко мне врач в светло-сиреневой хирургичке.

Впервые вижу униформу такого цвета. У нас в городской все носят исключительно белую одежду, но там взрослая больница, а тут – детская.

Точнее – детская областная, куда привезли мою дочь два часа назад.

Затрудненное дыхание, обморок, желтый реанимобиль и два слишком долгих часа в моей жизни.

– Да, это я, – с трудом глотаю ком в горле и встаю с места, чтобы проследовать за врачом.

Я работаю в больнице больше пяти лет, но здесь, в детской, своя атмосфера. Она давящая, еще более обреченная и пугающая. Родители с грустными лицами, дети со страхом в глазах.

И я.

Ползу на негнущихся ногах в кабинет врача, чтобы, наконец, узнать, что случилось с моей дочерью.

– Проходите, – мужчина отодвигает стул для меня и ставит на стол бутылку с минералкой.

Вот черт.

Молча сажусь, отодвигаю воду и внимательно слежу за врачом. Петр Владимирович – как написано на бейджике, но должность разглядеть не получается. Слишком мелкий шрифт.

– С Дашей все в порядке? – смотрю на него в ожидании, пока мужчина продолжает что-то кликать мышкой на своем рабочем компьютере.

Внимательно, сосредоточенно, периодически поджимая губы.

В голове – сотни диагнозов. Переутомление, не долечили ОРВИ, онкология… Разум издевается надо мной, подкидывая все худшие сценарии.

А врач молчит.

Так проходит, наверное, пять или десять минут. За это время я успеваю внутренне и пореветь, и произнести все молитвы, которые помню с детства.

– Арина Дмитриевна, – наконец подает голос мужчина, заставляя все мое тело замереть в напряжении, – Скажите, ваша дочь болела недавно?

– Да, – киваю, – Подцепили вирус в детском саду. Обычное дело.

– Долго лечились?

– Около трех недель. А что?

– К сожалению, вирусы у детей не всегда проходят бесследно, и последствия даже самых безобидных ОРВИ бывают тяжелыми…

Мне совсем не нравится это трагическое вступление. Я знаю все про вирусы, а еще про детские болезни – четыре года в медицинском колледже в отделении «Сестринское дело», а потом пять лет в больнице. Правда, в хирургическом, куда поступают совсем не с вирусами, но все же.

А еще я – мама, и мне не нужно рассказывать про виды детских соплей. Как только Даша пошла в сад, мы периодически уходим на больничные.

– Но болезнь протекала обычно, – пробую спорить с врачом, – Да, была высокая температура, но я сбивала ее лекарствами. И Даша ни на что не жаловалась. Наш педиатр не заметила ничего странного.

– Так, к сожалению, бывает.

Опять его «к сожалению», от которого все внутри переворачивается. А еще этот сочувствующий взгляд…

– Петр Владимирович, – выдыхаю, чтобы немного успокоиться, – Что с моей дочерью?

– У Даши порок сердца.

Порок сердца?..

– Что?.. – из меня вылетает усмешка, будто мужчина сказал что-то сказочное и невероятно веселое. Нереальное. Такого быть не может. Не с моим ребенком.

– Диагноз предварительный, и Даше придется провести в больнице некоторое время, чтобы мы сделали полное кардиологическое обследование, но уже сейчас могу сказать, что один из клапанов работает плохо. Если не предпринять никакие действия, у вашей дочери может развиться сердечная недостаточность. Нужна операция и желательно в ближайшее время…

Врач еще что-то говорит, а я, наконец, разглядываю его должность на бейджике – детский кардиолог.

У Даши порок сердца – это все еще что-то невозможное.

– Подождите, – перебиваю мужчину, – Но у нас никогда не было проблем с сердцем, и при рождении врачи не выявили пороки развития…

– Все правильно. У Даши приобретенный порок. Так бывает, к сожалению.

Еще одно «к сожалению», от которого теперь хочется выть. Стены начинают давить, бутылка воды передо мной вызывает агрессию, а сиреневая хирургичка врача расплывается перед глазами.

Вытираю непрощенные слезы и с огромным усилием глушу в себе истерику. Не время и не место. Я спасла своего ребенка от кровожадных рук ее «бабушки», спасу и сейчас.

Даже если для этого придется второй раз продать душу дьяволу.

– Какие у нас прогнозы? Когда Даше сделают операцию? Я могу ее увидеть?

***

Прогнозы неутешительные – болезнь прогрессирует слишком быстро. Нужна операция, но делают ее только в порядке очереди.

Полгода. Именно столько придется ждать Даше, прежде чем ее прооперируют. Только вот полгода у нее нет.

Выхожу из кабинета Петра Владимировича в ужасном состоянии. Руки дрожат, легкие горят огнем, потому что я забываю вовремя делать вдохи, ноги не чувствуют пол. Встречаюсь взглядом с другой мамой, и она мне сочувственно кивает. Такая же бледная и потерянная.

Как я.

– Арина? – кричит знакомый голос, но я в прострации и не понимаю, где находится источник шума.

Кручу головой, еще сильнее трясусь и в итоге не выдерживаю, начиная громко плакать.

– Арина! – кто-то хватает меня за руку и быстро-быстро тащит по коридору.

Туалет, умывание холодной водой, и я начинаю соображать.

– Варь… – вижу перед собой подругу и не могу сдержать слезы.

От секундного облегчения, оттого что я не одна. Варя Романова не просто мой самый близкий человек, она еще и крестная мама Даши.

– Я здесь, здесь, – шепчет девушка, поглаживая меня по спине, – Приехала, как только нашла себе замену на работе. Что случилось? Как Даша?

– У нее… – каждое слово дается с трудом, – У Даши порок сердца. Если не прооперировать ее в течение пары месяцев, все может стать еще хуже.

– Порок сердца? – Варя разнимает объятия и хватает меня за предплечья, начиная очень сильно сжимать их.

Тоже не верит. Смотрит с таким сомнением, будто я, как и Петр Владимирович полчаса назад, говорю какую-то ерунду.

– Да, – выбираюсь из ее захвата, нахожу глазами туалетную бумагу и срываю немного, чтобы подтереть тушь под глазами, – Конечно, нужно еще провести полное обследование,

собрать консилиум, и только тогда мы будем знать точный диагноз… Но уже сейчас прогнозы плохие.

– Так! – громко восклицает Варя, когда видит, что я вновь собираюсь расплакаться, – В таком случае ей сделают операцию, и все. Приобретенный порок сердца успешно лечится в нашей стране. Не мне тебе рассказывать.

– Дашу поставят на очередь, – голос совсем пропал, и из меня выходят какие-то еле слышные хрипы, – Но ждать придется где-то полгода. Плюс-минус месяц. А у нас нет столько времени. Врач сказал, что болезнь развивается слишком быстро, и в любой момент…

Мне даже сказать это трудно.

И в любой момент моя Даша, мой самый лучший, добрый и светлый ребенок может умереть.

– Тогда будем оперировать за деньги, – не сдается Варя.

– Да, – шумно выдыхаю, – Потребуются десятки тысяч евро.

Быстро и без очереди Дашу смогут прооперировать в Германии. Хоть завтра лети. В одной из клиник страны работают лучшие детские кардиохирурги Европы. Нет, конечно, и у нас много не уступающих им специалистов, но чертова очередь…

И даже за деньги у нас придется стоять в очереди, потому что детей с пороком сердца и в худшем состоянии тысячи по всей стране.

– Сколько?! – бурно реагирует подруга, и я ее понимаю.

Даже тысяча евро – нереальная сумма для медсестры в подмосковной больнице. А коллеги из регионов столько за полгода получают.

Десять тысяч евро, двадцать, тридцать… Ведь потребуется не только операция, но и документы, перелет, обследования, послеоперационное восстановление. Нам придется жить в чужой стране минимум полгода, а, может, и больше.

Это все звучит как какой-то бред, который почему-то происходит именно со мной.

– Мы соберем, – воинственно заявляет Варя, словно у нее на сберегательном счете в банке лежит именно эта сумма.

– Не соберем, – мотаю головой, потому что не верю в чудо, – Но я знаю, что делать.

Решение приходит буквально за секунду.

– Что?

– Я попрошу эти деньги у Артема.

– У кого…

Варя прекрасно знает, кого я имею в виду.

Артем Демидов – человек, который семь лет назад с легкостью вычеркнул меня из своей жизни. Предатель. Я поклялась сделать все, чтобы Даша никогда не узнала о нем и его семейке.

Но сейчас…

– Мы до сих пор женаты, – ошарашиваю подругу с новой силой, – Его мать сделала и ему, и мне поддельные документы без штампов о браке, но настоящий паспорт и свидетельство все еще у меня. Кроме того, я всегда могу обратиться в ЗАГС того южного городка, где мы поженились.

– Ну нееет… Ты шутишь?!

– Если он не даст деньги добровольно, я подам на развод и устрою такой скандал в прессе, что семья Демидовых не только оплатит операцию. Они на своем самолете доставят меня и Дашу в Германию и купят нам квартиру. Поверь, у этих тварей столько денег…

Артем Демидов – мой личный кошмар во плоти, но я готова и угрожать, и умолять его на коленях, лишь бы спасти дочь.

Нашу общую дочь.

От автора

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в свою новую историю – **«Предатель. Верни нас»**.

О чем она?

Я много писала об изменах. Где-то мои герои прощали, другие разводились, переживая все ужасы предательства любимого человека.

Но ведь измены – это не единственный вид предательства. Что может быть хуже?

Наверное, когда люди отказываются бороться за любовь. Когда непреодолимые (на первый взгляд) обстоятельства разлучают их навсегда.

Чтобы однажды столкнуть вновь.

Новый роман как раз про это.

Надеюсь, что мы проживем эту историю вместе.

Глава 1

Десять лет до событий пролога, жаркий южный город, ЗАГС и двое влюбленных

– Готова? – с хитрой мальчишеской улыбкой спрашивает Тема, передавая мне букет белых хризантем, который мы купили на вокзале у бабушки, как только приехали сюда.

Потрясающе красивое предложение руки и сердца в самом романтичном месте нашего города, а дальше – душный плацкарт, двое суток в дороге, и вот мы здесь. Чтобы поскорее пожениться, минуя пышные торжества и скучные формальности.

Выбор места, где пройдет регистрация брака, случайный – мы просто в шутку ткнули на карту России, и выпал южный городок недалеко от Сочи.

«Класс!» – визжала от радости я, потому что никогда не была на море. А тут солнце практически круглый год, пляж, до которого рукой подать, и горы в получасе езды на электричке.

Только вот никто не предупредил меня о невыносимой жаре субтропического климата. После нашей умеренной полосы здесь даже дышать тяжело – ощущение, что в бане, но выйти на свежий, прохладный воздух не получается.

– Готова, – отвечаю с отдышкой, сдувая со лба прилипшую прядь волос.

Хорошо, что на мне простое льняное платье. Белое, но идеальное в жару. Вообще, хочется поскорее снять и его. Надеть купальник и запрыгнуть в прохладные воды Черного моря. Кажется, я не выйду на берег, пока солнце так печет, прожигая кожу.

А вот Тема погорячился, когда надел темный костюм из плотной ткани. Шерстяной, наверное. Демидовы только этот материал признают, остальное для них несолидно.

– Тогда идем, – меня резко хватают за талию и прижимают к себе, – Нас уже ждут.

Деньги решают все, как я убедилась, когда начала встречаться с Артемом Демидовым – наследником крупной логистической империи. Вот и сейчас – стоит только предложить регистратору пару купюр, и нас принимают без очереди, согласившись расписать в их обеденный перерыв.

Заходим в небольшой ЗАГС, синхронно поворачиваем друг к другу головы и, не сговариваясь, подмигиваем. Улыбка становится еще шире, а в груди рождается приятное тепло.

Арина Демидова.

Мысленно примеряю фамилию и понимаю, что нахожусь на пороге чего-то важного. Не просто брак, а семья. Что-то более ценное и нерушимое.

«Навсегда», – шепчут мои губы, пока мы идем по узким коридорам здания. И только судьба знает, что через несколько лет наше «навсегда» превратится в пыль.

А пока улыбки, много смеха и чересчур шумных людей вокруг, которые вываливаются из зала бракосочетания вместе с другой парой. Они были перед нами, а мы заходим следом, по пути поздравляя молодоженов.

– Ребят! – выкрикивает какой-то мужик под пятьдесят, – Поехали с нами праздновать свадьбу? Так сказать – объединим наш праздник и ваш? А то вы что-то одни…

Мы действительно одни. Потому что у меня, кроме дяди, никого не осталось, а родители Артема…

– Тихо ты! – цыкает на него стоящая рядом женщина. Скорее всего, его жена, – Молодым людям, наверное, есть где отпраздновать и без нас.

– Да, – подхватывает Артем, явно не планируя присоединяться к шумной компании незнакомых людей, – Спасибо, но у нас своя программа.

От слов «своя программа» у меня краснеют щеки, потому что наша программа – это очень быстрый ужин в местном рыбном ресторане и очень долгая ночь в отеле. Только вдвоем начиная от регистрации и до окончания медового месяца. Чудо, что Артему удалось вырваться с работы и уговорить отца на этот отпуск.

Потому что наследник империи – это не крутой мажор, как часто показывают в кино. Тема работает с двенадцати лет, потому что единственный сын и обязан забрать компанию, когда его отец решит уйти на пенсию.

– Артем Демидов и Арина Новосельцева? – строго спрашивает нас женщина с необычной прической и ярко-красной помадой на губах, как только мы заходим в небольшое помещение, чтобы, наконец, пожениться.

– Мы! – хором отвечаем ей и тут же начинаем смеяться друг над другом.

– Ну что? – регистратор подхватывает наше веселье и расплывается в теплой улыбке, – Готовы связать себя прочными узами брака?

***

– Дорогие, жених и невеста! – громко и четко проговаривает женщина давно выученный текст, – Любовь – это испытание, это проверка на прочность и особый дар, который доступен не каждому человеку…

Красивая речь. Немного старомодная, но я чувствую, как начинает щипать нос от избытка эмоций. Артем смотрит то на меня, то на регистратора, крепко вцепившись в мою руку. Тоже волнуется, но по-мужски не показывает это, изображая серьезность.

– Согласны ли вы, Артем Леонидович…

– Согласен, – быстро проговаривает он, перебивая регистратора.

Женщина кривится от «такого неуважения», но умело прячет недовольство под улыбкой, потому что ей все-таки заплатили, и купюры приятно греют карман.

– Согласны ли вы, Арина Дмитриевна, связать себя узами брака с Артемом Леонидовичем?

– Согласна, – отвечаю без капли сомнений.

Я согласна давно. С первого взгляда и прикосновения, с первого свидания и поцелуя. Наша любовь с Артемом случилась слишком быстро, но, кажется, с каждым днем становилась только сильнее.

«Сумасшедшие», – говорили друзья, а мы согласно кивали, потому что правда сумасшедшие, но нам это даже нравится. С первой встречи и до ЗАГСа прошло меньше полугода, но о своем желании жениться Артем заявил, как только увидел меня.

В застиранном больничном халате, с кривым пучком на голове. Я была уставшая и без косметики.

Однако Тема Демидов и не думал сводить взгляд с меня, пока я брала у него кровь в процедурном кабинете нашей поликлиники.

– Раз все согласны и возражений нет, – произносит регистратор, явно сократив часть своей торжественной речи, – Объявляю вас мужем и женой! Можете целоваться, но только быстро. У меня после вас сразу другая пара, – сухо добавляет она, но нам в этот момент уже все равно.

Кольцо с красивым переливающимся бриллиантом на пальце, штамп в паспорте, а муж…

Муж так странно смотрит на меня. Словно сканирует весь мой образ и хочет навсегда сохранить его в памяти.

– Будем целоваться, муж? – дерзко спрашиваю его.

– Будем, – хрипло отвечает мне он, сокращая расстояние между нами.

Крепкие руки обвивают талию. Мы прижимаемся лбами и еще несколько секунд гипнотизируем друг друга. Губы Артема касаются моих губ нежно, как крылья бабочки. Он не целует, он изучает. Шумно выдыхает и проходится языком по чувствительной кожи.

Мурашки пускаются в пляс, я с трудом сдерживаю свое дыхание, но все же отвечаю настойчивым губам мужа. Нежность сменяется на силу, крылья бабочки – на укусы пчел. Кожа краснеет и опухает.

Целую в ответ также сильно, обвив одной рукой шею мужчины, но как же не вовремя раздается:

– Кхммм… – напоминает о себе регистратор, всем своим видом показывая, что мы задерживаем ее.

Пора уходить, освобождать зал для другой пары, а я хочу и дальше целоваться.

– Как насчет того, чтобы перенести праздничный обед прямо в номер? – шепчет Артем, пока мы за руку выходим в коридор.

Засматриваюсь на него и до сих пор не верю, что у меня такой муж. Красивый, умный, уверенный в себе.

«Породистый», – как однажды ляпнул дядька, когда я впервые рассказала ему о своем тогда еще парне.

– Я не… – хочу ответить ему, что не против, но слова застревают в горле, когда я налетаю на другую невесту, – Ой! Извините…

Столкновение, к счастью, не происходит. А Артем, чтобы сгладить ситуацию, с вежливой улыбкой произносит:

– Поздравляю вас, ребята.

Невеста, невероятная рыжая красотка, кивает нам, но ответить не успевает. ЗАГС летом напоминает конвейер на заводе – одна пара скорее сменяет другую. Вот и рыжеволосая невеста исчезает в зале бракосочетания, потому что их торопит регистратор.

– Это вряд ли, – немного агрессивно отвечает другая девушка, следующая за парой по пятам. Она окидывает нас хмурым взглядом и проходит в зал вместе с будущими молодоженами.

– Странная, – смотрю на Артема в легком недоумении.

– Это не наше дело, – мягко отвечает мужчина, уводя меня подальше от входа в зал, откуда скоро будут выходить новоиспеченные муж и жена.

Он прав. Наше дело – найти такси и поскорее добраться до отеля, где есть душ и кондиционер. А у ребят, которые прямо сейчас слушают точно такую же торжественную речь регистратора, надеюсь, все сложится хорошо. Я почему-то в этом не сомневаюсь.

– Я поймаю такси, – читает мои мысли Тема, пока мы спускаемся на первый этаж, – А ты пока подожди меня внутри, чтобы не перегреться на солнце.

– Хорошо, – соглашаюсь с ним, потому что и правда не горю желанием ждать машину на улице под палящим солнцем.

А пока муж пытается поймать местное такси, я сажусь на свободную лавочку и понимаю, что шумный и суетливый ЗАГС стал неожиданно безлюдным.

Тишина расслабляет нервную систему, а стена позади меня приятно холодит спину. Прикрываю глаза от усталости и внутренне выдыхаю.

Кажется, самый сложный этап пройден. Несмотря на запреты родителей Артема, несмотря на уговоры подруг, что я тороплюсь выходить замуж за «мажора», мы женаты.

Тема сдержал свое обещание. Мы вместе, а с его мамой я как-нибудь справлюсь.

Алла Георгиевна – своеобразный человек. Сложный, со своим мнением, которое она не собирается менять даже ради сына. А еще она как будто чувствует, что я думаю о ней.

Стоит только представить в голове образ свекрови, как телефон в сумочке начинает активно вибрировать.

На экране – имя «Алла» и эмодзи чертика. Так я записала ее при первой нашей встрече.

Не хочется портить себе настроение в такой день, но я пересиливаю себя и отвечаю на звонок. Делать нечего – это все-таки мать Артема, и мы теперь родственники.

– Алла Георгиевна, здравствуйте, – стараюсь всегда говорить с этой женщиной спокойно и сдержанно.

Жалко, что она даже не пытается сдерживаться рядом со мной.

– Добилась своего? – шипит разъяренный голос в трубку.

– Мы с Артемом только что поженились. Можете поздравить нас, – все еще сохраняю спокойствие, но левая рука, в которой букет, начинает сильнее сжимать его.

– Поздравляю! – ожидаемо иронизирует свекровь, – Только ты не радуйся, что стала Демидовой. Запомни, Арина, я сделаю все, чтобы развести вас с Артемом. Мой сын не будет мужем детдомовской простушки. Я тебе это обещаю.

Алла Георгиевна резко завершает вызов, потому что привыкла, когда последнее слово остается за ней. А я еще долгое время смотрю на погасший смартфон, ощущая что-то недоброе в словах женщины.

Я не детдомовская и никогда ей не была, но мать Артема прочно закрепила за мной это грубое прозвище.

Потому что у меня нет родителей и никогда не было полноценной семьи. Потому что я всегда жила очень бедно.

Потому что я не их уровня. Простушка, которая полюбила не того мальчика и будет за это жестоко расплачиваться.

Арина Новосельцева

Арина Дмитриевна Новосельцева

На момент 1 главы – 22 года, пару лет назад окончила медицинский колледж и работала медсестрой в процедурном кабинете в самой обычной поликлинике, где и познакомилась с Артемом.

Из родственников – только дядя Паша (мамин брат). Отца героиня никогда не знала, а мама ушла из жизни рано. До 16 лет Арину воспитывала бабушка по маминой линии, а потом – дядя.

Арина спустя 10 лет работает медсестрой в хирургическом отделении подмосковной больницы, воспитывает шестилетнюю дочь Дашу и копит на первый взнос по ипотеке, мечтая, конечно, о море, на котором в последний раз была, когда выходила замуж за Артема.

Артем Демидов

Артем Леонидович Демидов

Артем Демидов – главный герой романа, а еще мажор, золотой мальчик и любимый единственный сын своих родителей. Тем не менее живет в строгости, знает цену деньгам и работает в компании отца с малых лет.

Артем Демидов спустя 10 лет. Немного циничный, строгий к себе и окружающим. Такой же трудоголик, потому что у него нет никакого смысла в жизни, кроме компании, о важности которой ему вдалбливали с рождения.

Есть дочь Даша, но он даже не догадывается о ней. Как и о том, что у него когда-то была жена Арина (небольшой спойлер).

Глава 2

Три года спустя, за семь лет до событий пролога

– Вы планируете ребенка? – бесцеремонно спрашивает свекровь, пока мы «мило» пьем чай и ждем Артема с работы.

Какое счастье, что у моего мужа есть собственная квартира, и мы ни дня не жили с его родителями. Я бы просто не выдержала эту пытку. Аллы мне хватает и на дистанции.

– Планируем, – отвечаю безэмоционально, потому что эта женщина – настоящий энергетический вампир.

Стоит только показать ей радость или злость, она вцепится тебе в глотку и не отпустит, пока не высосет все силы.

– Зря, – вот и сейчас свекровь не может упустить возможность, – Я не хочу внуков от тебя. Кровь плохая. Дети будут некрасивые и больные.

Давлюсь чаем и с грохотом отставляю чашку подальше в сторону, чтобы было меньше соблазнов схватить ее и выплеснуть горячий напиток в это самодовольное лицо.

Мне пришлось многое выслушать про себя – три года брака с Артемом иногда напоминали переход по минному полю. Нет, муж всегда встает на мою сторону и пытается сдерживать своих родителей, но его мать хитрее.

Она любит унижать меня, пока ее сын не видит. А я… Мне до сих пор не по себе даже от одной мысли, что я буду жаловаться Теме на его семью. Как-то это не по-взрослому. Надо быть мудрее Аллы, но пока получается плохо.

Потому что стоит ей намекнуть о моем «происхождении», мне хочется рассмеяться.

– Тогда надо было в восемнадцать женить его на двоюродной сестре, – огрызаюсь в ответ, – Раз вы так переживаете за чистоту крови.

– Не язви, – усмехается свекровь, явно наслаждаясь нашей перепалкой, – Лучше не забывай предохраняться…

– А то что?

Слова женщины не просто задевают меня за больное – они бьют точно в цель, потому что ребенок уже есть. Кровь, как говорит Алла Георгиевна, уже смешалась.

Но я молчу и продолжаю «мило» пить чай со свекровью, потому что она будет последним человеком, кто узнает о внуке или внучке. Артем точно обрадуется – мы давно хотели, его отец, скорее всего, поддержит сына, а вот Алла…

Она может навредить малышу в моем животе – в этом я почему-то нисколько не сомневаюсь.

– Арина, – театрально вздыхает женщина, – Чудо, что ваша так называемая семья продержалась столько лет, но я не собираюсь мириться с этим. Артем разведется с тобой и… – договорить она не успевает.

Звонок на мой телефон, и мы обе вздрагиваем.

– Это Артем, – встаю со своего места, из-за спешки больно ударяюсь об угол стола, но скорее добегаю до смартфона и отвечаю на вызов.

Это не Артем. Незнакомый номер и незнакомый мужской голос, от которого у меня мурашки по коже.

– Алло? – произносят на том конце провода, – Вы – жена Артема Леонидовича Демидова?

– Да… – еще больше теряюсь от его вопроса.

Вряд ли звонят из компании. На часах почти восемь, рабочий день давно закончился.

– Меня зовут Николай, – оперативно представляется незнакомец, – Я – врач скорой помощи. Мы нашли…

– Это Артем? – на фоне шипит свекровь, но я жестом прошу ее замолчать.

– … он сейчас в реанимации в тяжелом состоянии, но врачи…

– Где?! – кричу в трубку, стоит только услышать слово «реанимация».

Артем, реанимация, врач скорой помощи, который продолжает терпеливо мне что-то объяснять, – это все какой-то бред…

– Дай сюда трубку, курица, – Алла материализуется передо мной за секунду. Вырывает телефон и начинает кружить по коридору, разговаривая с врачом.

– Отдайте телефон, – моя очередь шипеть на женщину, но она сильнее меня.

Пока свекровь спорит с Николаем, я бегаю за ней хвостиком, пытаясь расслышать хоть что-то про состояние мужа.

– Почему моего сына отвезли в эту больницу? – грозным голосом Алла отчитывает врача, – Я хочу, чтобы его перевезли в частную клинику Свиридова… Как на операции?!... Вы можете… Да… Еду. Я вас поняла.

Звонок завершается, свекровь молча возвращает мне телефон и также молча идет к выходу.

– Что с Артемом?

– Отойди.

– Куда вы едете? Я с вами.

– Сиди дома!

– Прекратите, – преграждаю женщине путь и добиваюсь своего, – Я еду с вами.

– Артем попал в аварию, – с надломом в голосе сообщает Алла, и я впервые вижу ее такой… обезоруженной.

– Как это? – мой собственный голос тоже не слушается. Перед глазами пелена от непрошенных слез, но я заставляю себя надеть кеды и ветровку.

– Не знаю, – всхлипывает она, пока я копошусь с ключами, – Вроде бы на него наехала другая машина. И теперь мой сын… – новый всхлип, от которого у меня внутри все сжимается, – Его оперируют. Врач сказал, что у Артема серьезная травма головы…

– Поехали, – строго обрываю свекровь, потому что если она заплачет, то заплачу и я.

А мне нельзя. В животе – ребенок, где-то там в больнице – любимый человек, который борется за жизнь.

***

Обычная городская больница встречает нас тусклой мигающей лампочкой в отделении приемного покоя. Медсестра выдает нам халаты и просит ждать, пока не закончится операция.

У Артема черепно-мозговая травма и несколько переломов. Вроде ничего смертельного, можно жить, но врачи оперируют его уже второй час.

А еще время… Оно тянется невыносимо медленно.

Пока я сижу на деревянной неудобной лавочке, Алла нахаживает круги по вестибюлю и постоянно кому-то звонит. Мужу, который в командировке. Знакомым врачам, родственникам и друзьям. Она то кричит, то плачет в трубку, сетуя, как не везет ее сыну.

И черная полоса в жизни Артема, по мнению свекрови, началась ровно в тот момент, как он познакомился со мной.

– Молись, чтобы мой сын выжил, – выдает эта невыносимая женщина, не понимая, что мне и без ее угроз плохо.

Авария… Одно это слово звучит так, что у меня все внутренности сжимаются от дикого страха.

– Молюсь, – смотрю на нависающую надо мной Аллу, – Вы даже не представляете, как я молюсь, чтобы мой муж выжил.

– Он выживет, – кивает она, – Обязательно выживет, поправится, и вы разведетесь. Хватит с моего сына страданий.

Раз, два, три, четыре… Дыши, Арина.

Нет, это не помогает!

– Когда вы уже успокоитесь? – не выдерживаю, вскакиваю на ноги и кричу на все помещение, вызывая осуждение в глазах медперсонала, – Мы три года женаты, у нас скоро будет ребенок, а вы до сих пор при каждой встрече угрожаете мне разводом.

– Ребенок… – это все, что улавливает свекровь из моей речи.

– Алла Георгиевна? – раздается уставший, но четкий мужской голос.

Синхронно поднимаем головы в сторону звука и видим в пяти метрах от нас врача – молодого мужчину, около тридцати лет. В синей хирургичке и белом халате.

Он стоит, чуть завалившись на одну ногу, и ждет, когда мы уже закончим нашу перепалку и подойдем к нему.

– Это я! – Алла оказывается рядом с врачом за считаные секунды, а я ковыляю за ней следом.

– Что с моим мужем? – спрашиваю тише и спокойнее, потому что еще чуть-чуть, и нас выгонят отсюда.

– Если говорить простым языком, – произносит мужчина, – У Артема Леонидовича тяжелая травма головы и ряд сопутствующих травм. Нам пришлось поместить его в медикаментозную кому…

– Мой сын останется инвалидом? – пораженно шепчет свекровь, а мне хочется ее ударить.

В ее «останется инвалидом» не боль и переживания за близкого человека. Она переживает исключительно за себя, компанию и общий престиж семьи Демидовых. Если Артем не поправится и не встанет на ноги, они потеряют «наследника».

– Пока рано говорить об инвалидности, – спешит успокоить ее врач, – Завтра утром мы сможем точнее оценить шансы вашего сына.

Шансы – еще одно отвратительное слово, от которого хочется выть.

Нет у нас никаких шансов. Я еще это не понимаю, но там, в палате, сердце Артема покрывается ледяной коркой безразличия, а разум утрачивает любые воспоминания о нашей любви.

Глава 3

Три года спустя, за семь лет до событий пролога

ДТП, где второй водитель погиб на месте, многочасовая операция, кома, а потом транспортировка Артема в частную клинику. Алла добилась своего и забрала сына из городской больницы.

– Там ему будет лучше, – аргумент, против которого я не стала возражать.

Теме там действительно стало лучше. Он проснулся, показатели пришли в норму, и прогнозы радовали – спина не задета, мой муж будет ходить. А еще сегодня, впервые за неделю, нам разрешили увидеться.

Странно, что пришлось ждать так долго, но сейчас это не главное.

Главное лежит в коробочке с белым бантом – тест на беременность и УЗИ, которое я сделала только вчера. Для кого-то банально, но для меня в этой коробочке спрятан целый мир, и я собираюсь подарить его мужу.

Долгожданный малыш, еще совсем крохотный эмбрион, но уже с настоящим, громким сердцем.

– Арина Дмитриевна? – выдергивает меня из волнительных мыслей медсестра частной клиники Свиридова, куда я приехала на свидание к Теме.

– Да, это я, – вскакиваю с места и натягиваю на плечи одноразовый халат.

Голос дрожит от нетерпения, коробочка с красивым бантиком приятно греет ладонь. Артем узнает о беременности и точно обрадуется – он мечтает об этом уже года два и почему-то хочет именно девочку. Но то работа, то мои курсы, и мы все время откладывали.

А сейчас я понимаю, что вот он – идеальный момент. Работа и учеба никуда не денутся, а жизнь, как показала абсолютно неожиданная для всех авария, может ускользнуть за секунду. Кроме того, одна мысль, что у меня в животе растет часть Темы, вызывает прилив тепла и сумасшедшей радости.

Какие-то две минуты разделяют нас с мужем. Коридор, еще один, лестница вверх на второй этаж и последние десять метров до палаты.

– Прошу, – медсестра с именем «Татьяна» на бейджике приглашает меня внутрь, показывая рукой прямо, – У вас не больше десяти минут. Пациенту нужно отдыхать после такой травмы, чтобы он поскорее вспомнил все.

Я не спорю. Десять – это уже много, учитывая, что я не видела Артема целую вечность.

– Вспомнил все? – до меня доходит не сразу, но женщина стремительно скрывается за поворотом, оставляя меня наедине с мужем.

Наверное, Тема не помнит аварию – это распространенное последствие тяжелых травм головы, когда у пациентов случаются кратковременные провалы в памяти.

«Это нормально», – мысленно успокаивают себя и прохожу в палату. Подхожу ближе, встаю практически вплотную к кровати и забываю, как дышать.

– Артем? – в голосе дрожь и слезы от увиденного.

Мой сильный и самый лучший муж похож на тень от прошлого себя. Весь в бинтах и гипсе, на коже синяки, ссадины с засохшими корочками и… тяжелое дыхание.

Его тело напоминает огромный механизм, который отчаянно пытается справиться с поломками. Хрипит, дергается, заводится заново, но еле функционирует.

– Артем… – зову еще раз, но резко одергиваю себя.

Медсестра права – ему надо спать и восстанавливаться, а здесь я устраиваю глупую истерику.

Но что делать, если внутри постепенно образуется тугой ком из боли и волнения? Нельзя показывать свои переживания – Артема они не поднимут на ноги. Только вот я ничего не могу с собой сделать.

Впервые вижу его таким. Беззащитным, каким-то даже одиноким на этих идеально белых простынях. Нахожу глазами стул, аккуратно ставлю его ближе к кровати и сажусь.

Пусть спит, сколько потребуется, – побуду рядом. Десять минут так десять. За это время я превращаюсь в губку, которая жадно впитывает образ мужа. Если Артем идет на поправку, нам разрешат видеться чаще, но я все равно зачем-то запоминаю каждую черточку, хотя и так знаю все наизусть.

– Арина, – мягко прикасается к плечу все та же Татьяна, когда проходит время, – Вам пора.

Выныриваю из своего транса, с трудом отрываясь от мужа. Глаза все еще щиплет, но уже не от слез, а потому что я, кажется, не моргала все это время.

– Хорошо, – грустно шепчу ей в ответ и поднимаюсь с кожаного стула, поправляя съехавший халат на плечах, – А когда я смогу прийти еще раз?

– Вам нужно согласовать посещение с Аллой Георгиевной, – загадочно произносит женщина, пока мы идем к выходу.

С кем…

Ноги резко прирастают к месту, ком в груди становится больше и болезненнее, когда я слышу имя свекрови.

– Почему я должна согласовывать посещение с Аллой? – говорю это чуть громче, чем следовало бы.

– Потому что она – его мама, – с доброй улыбкой отвечает медсестра, а я только сейчас понимаю, что все ее вежливые слова и жесты пропитаны фальшью.

Я в ее глазах – несмышленая дурочка, и даже сейчас женщина бесцеремонно хватает меня за рукав свитера и грубо начинает тащить к выходу, будто имеет право так со мной обращаться.

– Подождите! – ожидаемо начинаю сопротивляться, – Отпустите меня!

– Вам пора, Арина, – медсестра, которая теперь напоминает мне тюремного надзирателя, переходит на шипение, выталкивая меня из палаты.

Что происходит?!

– Кто здесь?

Это Артем. Он проснулся, но я не узнаю голос своего мужа. Тихий, но жесткий и требовательный.

– Артем! – нахожу силы оттолкнуть Татьяну и убегаю обратно к мужу. От радости совершаю еще одну глупую ошибку – кидаюсь на него, зажимая в объятиях, – Тема, Темочка…

– Вы что делаете?! – орет за спиной медсестра, – Я вызову охрану!

– Артем! – начинаю задыхаться от эмоций, – Ты очнулся? Ты в порядке?

– Ты кто вообще?

Вместо улыбки – недобрый оскал, вместо ответных объятий – руки, отрывающие меня от себя. И во взгляде пустота, от которой почему-то становится холодно.

– Что?.. – кажется, что мне послышалось.

Но нет.

– Кто ты такая? – повторяет грубый голос не моего Артема, – И почему ты в моей палате?

– Я…

– Артем Леонидович, – ловко перебивает меня медсестра, – Девушка, наверное, ошиблась палатой. Я сейчас уведу ее. Отдыхайте.

– Будьте добры, – кивает ей мой муж, возвращая голову на подушку.

А я…

Я похожа на рыбу, выброшенную на берег. Глупо пойманную в чью-то ловушку, абсолютно беспомощную и ожидающую, когда ей отрубят голову и кинут в суп.

– Но как же?.. – голос возвращается ко мне, только когда мы оказываемся в коридоре.

– Что «как же»? – с непонятным мне весельем переспрашивает женщина, продолжая тащить за руку к выходу, – У ресепшена вас ждет Алла Георгиевна. Она хочет поговорить.

Глава 4

– Что здесь происходит?! – нападаю на Аллу, подпирающую стойку ресепшен. А она даже не скрывает, что довольна всем происходящим.

Смотрит на меня ехидно, улыбается, демонстрируя свои виниры, и вызывает одно желание – вцепиться ей в волосы или врезать по лицу, накаченному филлерами.

– Не кричи так, – приторно сладко произносит женщина, хватая меня за запястья и приближая к себе – так, чтобы нас не слышали медсестры рядом, – Я ведь говорила тебе все эти годы, что разлучу вас с Артемом, а ты мне не верила.

– Что вы сделали со своим сыном? – чувствую, что горло охватывает спазмом, и я начинаю задыхаться, – Это… Это вы подстроили ту аварию?

Впору поверить в самый фантастический сценарий происходящего. Алла и правда практически при каждой нашей встрече говорила, что разведет с Артемом. Тогда я наивно думала, что свекровь просто сходит с ума и несет всякую чушь. Иногда, конечно, обижалась на ее слова, но никогда не воспринимала их всерьез.

А теперь… Теперь я вижу, что сумасшествие трансформировалось в безумие, и Алла не преувеличивает. Она действительно что-то провернула за моей спиной, чтобы Артем меня не помнил.

– Не говори ерунду, – злобно хихикает женщина, продолжая впиваться красными наманикюренными когтями мне в руку, – Авария была случайностью, но ее последствия… – загадочно тянет она, – Представляешь, Артем очнулся, и первое, что он попросил, – позвать Ульяну.

Паника наступает быстрее, чем я перевариваю сказанное свекровью. В груди начинает нестерпимо жечь, когда я слышу знакомое имя.

Ульяна – бывшая невеста Артема. Девочка из такой же богатой семьи, и Демидовы-старшие еще с пеленок сына планировали поженить его на ней. Только вот Тема встретил меня, и активная подготовка к свадьбе быстро схлопнулась.

– Ульяну?..

Он просто не мог позвать ее – они давно не общались. Наверное, с тех пор как мы поженились в том ЗАГСе в Туапсе. Да и Артем никогда не любил Ульяну, чтобы в самый трудный момент, после комы, нуждаться в ней. Как мне казалось…

– Да, Ульяну, – Алла вот-вот лопнет от того, как довольна собой, – Врачи провели тесты, и оказалось, что мой сын не помнит ничего за последние пять лет. Представляешь? – лучезарно улыбается женщина.

Ее единственный ребенок серьезно пострадал в аварии, получил травму головы и потерял память пяти (!) лет своей жизни, а она рада. Так рада, что скоро треснет от своего счастья. Что угодно, лишь бы Артем бросил меня.

– В ближайшее время он все вспомнит, – стараюсь придать своему голосу уверенности, вырывая руки из захвата этой ненормальной, – Амнезия после травмы головы – распространенное явление, но она проходит в течение нескольких дней. Вы не сможете долго скрывать от Артема меня.

Они не смогут. И Артем не сможет забыть меня – это просто невозможно.

Можно забыть мимолетное событие, ничего не стоящее в твоей жизни. Но не жену и любимого человека. Нас связывает слишком много воспоминаний.

Квартира, машина, в бардачке которой лежат мои вещи. А фотографии? Документы? Мы не в фантастическом триллере, чтобы вот так, по взмаху волшебной палочки, устранить меня из жизни мужа.

– А вот и Улечка, – восторженно произносит свекровь, заставляя меня повернуть голову в сторону входа.

Ульяна. Да. Собственной персоной. Заходит в клинику, словно участвует в модном показе. Высокая, с идеальной модельной фигурой, с укладкой и в красивом сером брючном костюме. Она видит нас и радостно машет рукой.

– Аллочка! – все, меня больше не существует для Аллы, когда ее заключает в объятия «правильная невестка», – Я приехала, как только смогла. Погода ни к черту, папин самолет из Абу-Даби задержали.

– Ничего, дорогая, – ласково отвечает ей свекровь, поглаживая по спине, – Артем все равно спал, и врачи просили не тревожить его.

– Он проснулся? Я могу увидеть его?

– Нет, не можете, – вмешиваюсь в эту идиллию, пытаясь встать между Аллой и Ульяной, – Прекратите обе! Что за цирк вы здесь устраиваете?! Артему нужно восстанавливаться, вспоминать прошлую жизнь и точно не участвовать в ваших дворцовых переворотах! – поворачиваю голову к Алле, – Как вы можете? Он ведь не только меня забыл, но и вообще все, что проходило в течение пяти лет…

– Не переживай, Аринушка, – перебивает меня женщина, выплескивая новую порцию яда, – Мой сын вспомнит все, а мы Леонидом и Ульяной ему в этом поможем.

– Вы хотели сказать, – горько усмехаюсь, – Он вспомнит именно то, что нужно вам? Не жалко собственного ребенка? Когда-нибудь Артем вспомнит меня и не простит вам этого.

– А ты не переживай, – меня вновь хватают за руки и передают ловко подоспевшему охраннику Демидовых, – Я найму лучших психотерапевтов, чтобы он никогда не вспомнил тебя. А если вдруг вспомнит, рядом будет Ульяна, их семья и дети. К этому моменту ты ему просто будешь не нужна.

Мне не дают ответить, защититься и убежать к мужу. Амбал Демидовых хватает за шкирку, словно провинившегося котенка, и выкидывает на улицу, блокируя двери в клинику.

Я даже пискнуть не успеваю, как оказываюсь за порогом, со слезами и немым криком наблюдая за уходящими Аллой и Ульяной. Они победили, забрали у меня Артема и теперь идут под ручки, смакуя свой триумф.

***

Прошло пять или семь часов. В какой-то момент у телефона закончилась зарядка, и я перестала следить за временем.

На дворе почти ночь, в вестибюле клиники Свиридова включили тусклый свет, а я продолжаю стоять там, куда меня вышвырнули после разговора со свекровью. У закрытых дверей, и, как назло, сегодня в больнице больше нет посетителей, с которыми я бы могла пробежать внутрь к мужу.

Или Алла и здесь подсуетилась.

Нахожу глазами бордюр, на который не решалась сесть из-за дождя, и все-таки сажусь на него, потому что ноги адски болят от усталости. Прижимаю колени к груди и начинаю подвывать.

Это какой-то сюр. Так не бывает.

Да, у этих людей есть деньги и связи. Но не настолько же?

– Он вспомнит, – шепчут обветренные губы, – Это невозможно…

Пальцы на руках и ногах потеряли чувствительность, тело охватил озноб, но я не уйду. Алла не будет вечно сторожить в клинике. Она уедет, а я найду способ проникнуть внутрь. Если надо, научусь через заборы лазить. Артем мне не простит, если сдамся и уйду пораженной, согласившись с безумным планом этой женщины.

– Пошли, – мне вновь хватают и вновь куда-то тащат.

Даже не брыкаюсь, когда слышу голос свекрови. Буду драться с ней – сделаю и себе, и ребенку только хуже, потому что тащит меня под руки все тот же амбал, которому не нужно прилагать много усилий, чтобы сломать меня пополам.

– Садись в мою машину, – не просьба, а приказ, и вот я уже сижу на пассажирском сиденье черного седана свекрови. Сама ведьма садится рядом, на водительское, включает печку и лампочку над приборной панелью, освещая свое зловещее лицо. Амбал остается снаружи.

– Вы ведь понимаете, что этот план с амнезией Артема может рухнуть в любой момент, – пытаюсь воззвать к совести Аллы, – Он в любой момент вспомнит меня.

– Звонила в полицию? – это не вопрос, женщина, кажется, в курсе каждого моего шага.

– Да, звонила.

Звонила, и там меня послали. Потому что «нет тела – нет дела», а когда оперативник услышал фамилию Демидовых и адрес клиники, рассмеялся в ответ.

«Девушка, разбирайтесь сами», – цепкие руки этой семейки добрались и до правоохранительных органов.

– И что тебе там сказали? – издевается свекровь, доставая из бардачка большую кожаную папку.

– Вы ведь прекрасно знаете, что мне там сказали, – вспыхиваю, но быстро потухаю, когда на моих коленях оказывается паспорт.

Беру холодными рукам документ, открываю его и на секунду теряю ориентацию в пространстве.

Это мой паспорт. Точнее, не мой, но мой.

Фото мое, дата рождения, роспись, регистрация – все мое, но имя.

Новосельцева Арина Дмитриевна.

И штампа о браке нет, словно его никогда и не существовало.

– Это твой новый паспорт, – объясняет свекровь, – У Артема мы тоже обновили документы. Ваши прошлые, как и свидетельство о браке, больше недействительны.

– Но это незаконно, – продолжаю пялиться на свое фото на главном развороте.

– Вполне законно, – хихикает свекровь, – Ты как была простушкой, так ей и осталась. А должна была знать, что, если Демидовы чего-то захотят, для нас нет ничего незаконного.

Теперь верю. Артем редко, но рассказывал, что у его отца много влияния, и не только в городе. Приемы у президента, общий отпуск с губернатором области, теннис по субботам с главным прокурором.

– Итак, – продолжает свекровь, передавая мне новый конверт, – Я хочу, чтобы ты сегодня собрала свои вещи и уехала из этого города. Самолет в Москву через четыре часа. Думаю, этого времени достаточно, чтобы бесследно исчезнуть из наших жизней.

– Какой еще самолет? – открываю конверт и достаю оттуда билет на свое имя. Рейс ровно через четыре часа. В глазах шок, а внутри паника. Поднимаю голову на Аллу, – Вы ведь знаете, что здесь вся моя жизнь. Работа, дядя… Муж.

– У тебя больше нет мужа, Арина, – с ухмылкой отвечает она, – На работе тебя уволили сегодня, дядя твой немощный вряд ли будет сильно переживать, если его племянница переедет в другой город. Мы поговорили с Павлом Викторовичем. За хорошую сумму он охотно согласился забыть Артема и ваш брак.

Дядя Паша… Ощущение, что меня окружили, но в рукаве оставался еще один аргумент против свекрови.

– А моя беременность? – достаю из сумки ту заветную коробочку с бантиком и протягиваю ее Алле, – Вы ведь понимаете, что во мне растет ваш внук?

Ожидаю, что женщина удивится или хотя бы испугается, но нет. И на это она подготовила ответ.

– Честно, – выдыхает свекровь, – Я думала, что ты пошутила тогда.

Коробочка летит куда-то на задние сиденья.

– Нет, я не шутила, и беременность правда наступила. У меня родится ваш внук или внучка.

– Тогда избавься от него.

– Что?..

– Избавься от него, как прилетишь в Москву, – новый конверт, и в нем уже толстая пачка денег, – Здесь твоя компенсация или вознаграждение. Называй как хочешь. На эти деньги можно записаться в хорошую частную клинику и сделать аборт. Какой у тебя срок?

– Семь недель, – отвечаю не своим голосом, с трудом переваривая весь бред, который продолжает выливать на меня эта женщина, – Вы серьезно готовы убить родную кровь ради статуса семьи? Чтобы у Артема была нужная вам жена?

От Аллы можно ожидать что угодно. Но я бы никогда не подумала, что она будет так спокойно рассуждать об аборте. Словно это в магазин сходить. Заплатил денег и все. Готово. Нет проблем.

Однако это не проблема. Это ребенок. Живой, реальный.

– Давай так, – устало заявляет свекровь, явно недовольная моей реакцией, – У тебя есть два пути. Уезжаешь с новыми документами и деньгами, делаешь аборт и живешь счастливо. Найдешь новую работу, мужа под стать себе и заведешь хоть десять сопляков.

– Или? – вопрос скорее риторический. Я примерно представляю, что она мне сейчас скажет.

– Или я попрошу своего охранника, который стоит у машины, решить этот вопрос по-другому, – в голосе женщины больше нет злорадства, там холодный расчет, – Сначала он пнет тебя пару раз в живот, чтобы не тратить деньги на аборт, а после вывезет в лес. По частям или нет – я еще не решила.

Угроза, которая не просто на словах. Смотрю на Аллу и понимаю, что всю эту неделю она тщательно готовилась. И охранник правда в любую секунду может ворваться в машину, чтобы исполнить кровавый план своей хозяйки.

Медленно поворачиваю голову в сторону мужчины и замечаю, как он смотрит на меня. С улыбкой, демонстративно сжимая кулаки.

– Видишь, – добавляет женщина мне прямо на ухо, посылая противные мурашки по телу, – Я три года ждала этого момента, – ядовито усмехается она, – Выбирай, Арина. Другого пути у тебя просто нет. Артем с Ульяной назначили сегодня дату свадьбы, через пару недель мы их распишем, а ты… Только от тебя зависит, где будешь ты в это время. В новом городе, начиная все с нуля, или в холодной земле наших охотничьих угодий, где тебя никогда не найдут. И даже если мой сын вспомнит, что был женат на простушке, я смогу убедить его, что ты сбежала в самый сложный момент, купившись на наши деньги.

Молчу, потому что мне нечего сказать. Это ловушка. Пропасть, из которой не вылезти.

– Решай, дорогая, решай, пока я добрая…

Глава 5

Семь лет спустя, наши дни

– Дашааа, – ласково шепчу дочери, убирая с ее розовощекого лица прилипшие во время сна волосики, – Пора вставать.

Раскрою маленький секрет многих родителей: будить своих малышей по утрам – одно удовольствие. Гладить их, целовать пока еще пухлые щечки и с умилением наблюдать, как они хмурятся и капризничают.

Даше уже шесть. Через год она пойдет в школу и окончательно растеряет свои «малышовые повадки», поэтому я беру от каждой минуты вместе максимум.

– Маааааам, – зевая, хнычет ребенок, – Я не хочуууу.

– Я знаю, – смеюсь, раскутываю дочь и начинаю хватать ее за ноги, угрожая щекоткой. Мой коронный прием, от которого она обычно в ответ громко хохочет и мгновенно просыпается.

Беру в руку первую сладкую пяточку и замираю от удивления.

Странно… Кожа прохладная, хотя ребенок в пижаме и под теплым одеялом.

На автомате кладу ладонь на лоб и проверяю температуру. Нет, все в порядке. Лоб немного прохладный, но это в пределах нормы.

– Давай пойдем завтра в садик, – жалобно пищит детский голосочек, – Обещаю, что завтра встану сама.

Убираю руку со лба и отмираю.

– Что? – голос звучит немного растерянно, но я заставляю себя успокоиться.

Все в порядке. Мы только вышли из больничного, и педиатр подтвердила, что Даша полностью здорова.

– Давай не пойдем в садик, – повторяет она, складывая свои маленькие ладошки в умоляющем жесте.

Я бы с радостью поддержала ее желание, но у нас нет другого выбора.

– Солнышко, – тяну ее за ручки, помогая сесть, – Ты ведь знаешь, что мне сегодня нужно выйти на смену. С кем я тебя оставлю, если ты не пойдешь в садик?

Две недели больничного ребенка уже ощутимо сказались на моей зарплате. Я просто не могу позволить себе лишние отгулы, иначе нам с Дашей не на что будет жить весь оставшийся месяц до аванса.

– Я одна побуду, – грустно шепчет малышка, все-таки выбираясь из кровати.

Понимаю ее. Под одеялом тепло и мягко, а на улице дождь и холод такой, что хочется откопать в шкафу зимний пуховик. Вообще, август в этом году слегка капризный – то солнце, то дождь, и так каждый день.

– Одной тебе никак нельзя, – быстро целую Дашу в лоб и убегаю на кухню, пока этот маленький манипулятор не разжалобил меня на какую-нибудь игрушку. В качестве компенсации за моральный ущерб – поход в садик.

Захожу на кухню, включаю дальнюю конфорку и ставлю на нее кастрюльку с водой. У нас есть примерно час до выхода, и за это время мне надо сварить ребенку кашу, заплести ее, проверить, чтобы в рюкзачке были не только игрушки, но и сменная одежда. А! Еще не забыть про себя.

– Дашуль! – кричу спустя пятнадцать минут, не замечая никаких движений по квартиры, – Ты умылась?

А в ответ – тишина.

Ни топота по старому полу, ни очередных жалобных просьб остаться дома. Мешаю в заключительный раз кашу, выключаю газ, быстро вытираю руки и хочу вернуться в детскую, но сталкиваюсь с Дашей в коридоре.

– Я не могу, мам, – хрипло шепчет она, кутаясь в одеяло, которое схватила с собой, – Мне холодно, и сил нет…

Еще раз кладу ладонь на лоб и понимаю, что кто-то мастерски симулирует. Не замечала такое поведение у Даши раньше, но сегодня у нас нет времени на игры.

– Дашунь, – сажусь на корточки, – Я не могу пропустить смену в больнице.

Она обреченно кивает, а я краем глаза замечаю, как маленькие пальчики со всей силы сжимают одеяло.

– Меня ждут пациенты, а тебя твои друзья и любимые воспитатели, – продолжаю успокаивающим тоном. Кажется, еще чуть-чуть, и мой ребенок натурально заплачет от безысходности.

Не помню, чтобы Даша за все три года, что мы ходим в эту группу, так не хотела идти в свой садик. И воспитатели, и дети у нас хорошие – ни конфликтов, ни слез за это время не было.

– Давай так, – встаю на ноги, потому что времени до выхода все меньше и меньше, – Я постараюсь завтра забрать тебя после обеда, – разворачиваю дочь и аккуратно подталкиваю в сторону ванной.

Даша ничего не отвечает на мое предложение. Одеяло с ее плеч падает на пол, а сама она успевает сделать лишь пару шагов вперед.

Время неожиданно замедляется. Я хочу вернуться на кухню, но ноги прирастают к полу, а изо рта вырывается отчаянный крик.

Даша падает на пол.

Не спотыкается об одеяло, не поскальзывается на холодном полу – она заваливается сначала на стену, а потом тихонечко сползает по ней вниз.

– Даша?! – подбегаю до дочери за секунду и начинаю тормошить.

Глупо и непрофессионально – так нельзя делать, если человек упал в обморок, но материнский инстинкт притупляет разум, и я просто хочу, чтобы мой ребенок пришел в себя.

Но Даша не приходит. Она вообще никак не реагирует на мои крики и прикосновения. А я замечаю, что у нее конечности стали не просто прохладными. Они ледяные.

Вскакиваю на ноги, кое-как нахожу в нашей двушке свой телефон и дрожащими пальцами набираю номер службы спасения.

– Сто двенадцать, что у вас?

– Ребенок, шесть лет, – тараторю в трубку, – Потеря сознания.

– Хронические заболевания есть? Аллергия? Пороки развития? Генетические отклонения?

– Нет!

– Адрес называйте.

Называю и умоляю диспетчера, чтобы скорая приехала как можно скорее, потому что Даша не думает просыпаться.

– Ожидайте, – но у женщины по ту сторону миллион таких звонков в день, и нет времени сочувствовать каждому.

А мне не нужно сочувствие. Мне нужна моя дочь. Живая и здоровая. Потому что, если бы не она, я бы сошла с ума еще тогда, семь лет назад.

Глава 6

Скорая, мигалка, километровые пробки на всем пути и, наконец, больница – я думала, что мое сердце остановится раньше, чем мы попадем в приемное отделение детской областной.

Дашу увозят на каталке. Грубо вырывают из моих рук и просят ждать. Не мешаться под ногами. Не ныть, потому что «слезами горю не поможешь».

И я жду. Полчаса жду, час. Хожу кругами, смотрю в окно на холодный август и возвращаюсь на неудобную скамейку.

Пока жду, кое-как набираю номер Вари и прошу ее заменить меня сегодня на дежурстве. Подруга за это время успевает найти замену и мне, и себе, чтобы приехать сюда, в больницу, потому что тоже волнуется за Дашу.

– Арина Дмитриевна, – обращается ко мне врач в светло-сиреневой хирургичке, когда я теряю счет времени и окончательно схожу с ума.

Впервые вижу униформу такого цвета. У нас в городской все носят исключительно белую одежду, но там взрослая больница, а тут – детская.

Точнее – детская областная, куда привезли мою дочь два часа назад.

Затрудненное дыхание, обморок, желтый реанимобиль и два слишком долгих часа в моей жизни.

– Да, это я, – с трудом глотаю ком в горле и встаю с места, чтобы проследовать за врачом.

Я работаю в больнице больше пяти лет, но здесь, в детской, своя атмосфера. Она давящая, еще более обреченная и пугающая. Родители с грустными лицами, дети со страхом в глазах.

И я.

Ползу на негнущихся ногах в кабинет врача, чтобы, наконец, узнать, что случилось с моей дочерью.

– Проходите, – мужчина отодвигает стул для меня и ставит на стол бутылку с минералкой.

Вот черт.

Молча сажусь, отодвигаю воду и внимательно слежу за врачом. Петр Владимирович – как написано на бейджике, но должность разглядеть не получается. Слишком мелкий шрифт.

– С Дашей все в порядке? – смотрю на него в ожидании, пока мужчина продолжает что-то кликать мышкой на своем рабочем компьютере.

Внимательно, сосредоточено, периодически поджимая губы.

В голове – сотни диагнозов. Переутомление, не долечили ОРВИ, онкология… Разум издевается надо мной, подкидывая все худшие сценарии.

А врач молчит.

Так проходит, наверное, пять или десять минут. За это время я успеваю внутренне и пореветь, и произнести все молитвы, которые помню с детства.

– Арина Дмитриевна, – наконец подает голос мужчина, заставляя все мое тело замереть в напряжении, – Скажите, ваша дочь болела недавно?

– Да, – киваю, – Подцепили вирус в детском саду. Обычное дело.

– Долго лечились?

– Около трех недель. А что?

– К сожалению, вирусы у детей не всегда проходят бесследно, и последствия даже самых безобидных ОРВИ бывают тяжелыми…

Мне совсем не нравится это трагическое вступление. Я знаю все про вирусы, а еще про детские болезни – четыре года в медицинском колледже в отделении «Сестринское дело», а потом пять лет в больнице. Правда, в хирургическом, куда поступают совсем не с вирусами, но все же.

А еще я – мама, и мне не нужно рассказывать про виды детских соплей. Как только Даша пошла в сад, мы периодически уходим на больничные.

– Но болезнь протекала обычно, – пробую спорить с врачом, – Да, была высокая температура, но я сбивала ее лекарствами. И Даша ни на что не жаловалась. Наш педиатр не заметила ничего странного.

– Так, к сожалению, бывает.

Опять его «к сожалению», от которого все внутри переворачивается. А еще этот сочувствующий взгляд…

– Петр Владимирович, – выдыхаю, чтобы немного успокоиться, – Что с моей дочерью?

Слишком долгая пауза, сканирующий взгляд врача и слова, которые навсегда разделят мою жизнь на до и после:

– У Даши порок сердца.

Порок сердца?..

– Что?.. – из меня вылетает усмешка, будто мужчина сказал что-то сказочное и невероятно веселое. Нереальное. Такого быть не может. Не с моим ребенком.

– Диагноз предварительный, и Даше придется провести в больнице некоторое время, чтобы мы сделали полное кардиологическое обследование, но уже сейчас могу сказать, что один из клапанов работает плохо. Если не предпринять никакие действия, у вашей дочери может развиться сердечная недостаточность. Нужна операция и желательно в ближайшее время…

Врач еще что-то говорит, а я, наконец, разглядываю его должность на бейджике – детский кардиолог.

У Даши порок сердца – это все еще что-то невозможное.

– Подождите, – перебиваю мужчину, – Но у нас никогда не было проблем с сердцем, и при рождении врачи не выявили пороки развития…

– Все правильно. У Даши приобретенный порок. Так бывает, к сожалению.

Еще одно «к сожалению», от которого теперь хочется выть. Стены начинают давить, бутылка воды передо мной вызывает агрессию, а сиреневая хирургичка врача расплывается перед глазами.

Вытираю непрощенные слезы и с огромным усилием глушу в себе истерику. Не время и не место. Я спасла своего ребенка от кровожадных рук ее «бабушки», спасу и сейчас.

Даже если для этого придется второй раз продать душу дьяволу.

– Какие у нас прогнозы? Когда Даше сделают операцию? Я могу ее увидеть?

***

Прогнозы неутешительные – болезнь прогрессирует слишком быстро. Нужна операция, но делают ее только в порядке очереди.

Полгода. Именно столько придется ждать Даше, прежде чем ее прооперируют. Только вот полгода у нее нет.

Выхожу из кабинета Петра Владимировича в ужасном состоянии. Руки дрожат, легкие горят огнем, потому что я забываю вовремя делать вдохи, ноги не чувствуют пол. Встречаюсь взглядом с другой мамой, и она мне сочувственно кивает. Такая же бледная и потерянная.

Как я.

– Арина? – кричит знакомый голос, но я в прострации и не понимаю, где находится источник шума.

Кручу головой, еще сильнее трясусь и в итоге не выдерживаю, начиная громко плакать.

– Арина! – кто-то хватает меня за руку и быстро-быстро тащит по коридору.

Туалет, умывание холодной водой, и я начинаю соображать.

– Варь… – вижу перед собой подругу и не могу сдержать слезы.

От секундного облегчения, от того, что я не одна. Варя Романова не просто мой самый близкий человек, она еще и крестная мама Даши.

– Я здесь, здесь, – шепчет девушка, поглаживая меня по спине, – Приехала, как только нашла себе замену на работе. Что случилось? Как Даша?

– У нее… – каждое слово дается с трудом, – У Даши порок сердца. Если не прооперировать ее в течение пары месяцев, все может стать еще хуже.

– Порок сердца? – Варя разнимает объятия и хватает меня за предплечья, начиная сильно сжимать их.

Тоже не верит. Смотрит с таким сомнением, будто я, как и Петр Владимирович полчаса назад, говорю какую-то ерунду.

– Да, – выбираюсь из ее захвата, нахожу туалетную бумагу и срываю немного, чтобы вытереть тушь под глазами, – Конечно, нужно еще провести полное обследование, собрать консилиум, и только тогда мы будем знать точный диагноз… Но уже сейчас прогнозы плохие.

– Так, – громко восклицает Варя, когда видит, что я вновь собираюсь расплакаться, – В таком случае ей сделают операцию, и все. Приобретенный порок сердца успешно лечится в нашей стране. Не мне тебе рассказывать.

– Дашу поставят на очередь, – голос совсем пропал, и из меня выходят какие-то еле слышные хрипы, – Но ждать придется где-то полгода. Плюс-минус месяц. А у нас нет столько времени. Врач сказал, что болезнь развивается слишком быстро, и в любой момент…

Мне даже произнести это трудно.

В любой момент моя Даша, мой самый лучший, добрый и светлый ребенок может умереть.

– Тогда будем оперировать за деньги, – не сдается Варя.

– Да, – шумно выдыхаю, – Потребуются десятки тысяч евро.

Быстро и без очереди Дашу смогут прооперировать в Германии. Хоть завтра лети. В одной из клиник страны работают лучшие детские кардиохирурги Европы. Нет, конечно, и у нас много не уступающих им специалистов, но чертова очередь…

И даже за деньги у нас придется стоять в очереди, потому что детей с пороком сердца и в более худшем состоянии тысячи по всей стране.

– Сколько?! – бурно реагирует подруга, и я ее понимаю.

Даже тысяча евро – нереальная сумма для медсестры в подмосковной больнице. А коллеги из регионов столько за полгода получают.

Десять тысяч евро, двадцать, тридцать… Ведь потребуется не только операция, но и документы, перелет, обследования, послеоперационное восстановление. Нам придется жить в чужой стране минимум полгода, а, может, и больше.

Это все звучит как какой-то бред, который почему-то происходит именно со мной.

– Мы соберем, – воинственно заявляет Варя, словно у нее на сберегательном счете в банке лежит именно эта сумма.

– Не соберем, – мотаю головой, потому что не верю в чудо, – Но я знаю, что делать.

Решение приходит буквально за секунду.

– Что?

– Я попрошу эти деньги у Артема.

– У кого…

Варя прекрасно знает, кого я имею в виду.

Артем Демидов – человек, который семь лет назад с легкостью вычеркнул меня из своей жизни. Предатель. Я поклялась сделать все, чтобы Даша никогда не узнала о нем и его семейке.

Но сейчас…

– Мы до сих пор женаты, – ошарашиваю подругу с новой силой, – Его мать сделала и ему, и мне поддельные документы без штампов о браке, но настоящий паспорт и свидетельство

все еще у меня. Кроме того, я всегда могу обратиться в ЗАГС того южного городка, где мы поженились.

– Ну нееет… Ты шутишь?!

– Если он не даст деньги добровольно, я подам на развод и устрою такой скандал в прессе, что семья Демидовых не только оплатит операцию. Они на своем самолете доставят меня и Дашу в Германию и купят нам квартиру. Поверь, у этих тварей столько денег…

Артем Демидов – мой личный кошмар во плоти, но я готова и угрожать, и умолять его на коленях, лишь бы спасти дочь.

Нашу общую дочь.

***

Дорогие читатели!

Вот мы и дошли до той точки, откуда начинается история. В следующих главах Арине придется начать борьбу за жизнь ребенка, а еще столкнуться с прошлым, которое она так старательно пыталась забыть.

Глава 7

– Держи, – произносит подруга, ставя передо мной чашку с крепким черным кофе.

Мы в кафетерии больницы. Спустились сюда, потому что к Даше нас не пустят ближайший час, а находиться в коридоре перед кабинетом врача невыносимо.

Смотреть на других родителей, отмечать красные опухшие от слез глаза матерей. А еще видеть тех, кто выходит от Петра Владимировича в приподнятом настроении, потому что диагноз не подтвердился или их ребенок окончательно выздоровел.

Хуже будет, когда меня, наконец, пустят к дочери. Что ей говорить? Как успокаивать? Как не заплакать самой?

– Рассказывай с самого начала, – не просит, а требует Варя, занимая стул напротив меня.

Что рассказывать? Как-то я уже рассказала ей эту историю, но частично. Не потому, что боялась делиться прошлым из-за Аллы, а просто не хотела.

Мечтала забыть Артема и его семью, свой родной город и даже дядьку, который первые пару лет упорно звонил мне и пытался интересоваться моей жизнью.

Хотела вычеркнуть из памяти болезненные воспоминания, вытравить из сердца остатки чувств и попробовать ту самую жизнь с нуля, которую так активно рекламировала бывшая свекровь в машине, предоставив мне выбор без выбора.

– Мы любили друг друга, – хочется дальше продолжить, как в известной пьесе «нет повести печальнее на свете…», но у меня нет настроения на лирику, – Но в один момент наша любовь превратилась в пыль…

А дальше рассказываю все подробно, но сухо. Не вкладывая в свои слова ни боль, ни тоску по прошлой жизни.

Рассказываю про аварию, про долгое ожидание свидания с мужем, про Аллу и ее угрозы в машине. Про самолет до Москвы и как я вышла из аэропорта «в новую жизнь» с одним чемоданом и пачкой денег, которую все же взяла у свекрови. Про гордость в тот момент пришлось забыть, иначе я бы не выжила с ребенком в чужом городе.

– Но ты же сказала, что он забыл тебя, – пытается возразить Варя, романтизируя нашу с Артемом историю, – У него амнезия.

– Семь лет? – с горечью усмехаюсь, – Ты сама в это веришь? – смотрю на подругу и вижу в ее глазах ответ.

Потому что Варя, как и я, училась на медицинском и прекрасно понимает все последствия травмы головы.

Конечно, амнезия бывает разной. Кто-то день не помнит свое прошлое, а кто-то забывает его на годы. Однако я не верю, что Артем с такой легкостью забыл последние три года нашей жизни, быстро восстановился и даже успел жениться на своей бывшей невесте.

Он встал на ноги и уже через месяц выглядел так, словно и не было никакой аварии. Позировал для местных заголовков и рассказывал в интервью, как счастлив в браке.

Абсолютно все сделали вид, что нас с ним не существовало, в том числе и сам Артем – в этом я с каждым годом все меньше сомневалась.

Как и в его амнезии, длящейся вот уже семь лет.

– Тогда он точно должен помочь с Дашей, – с остатками надежды произносит Варя, запивая горечь в голосе своим кофе.

Поможет?

Если Артем пошел на поводу своей матери, то эта помощь дастся мне с боем. Только я не уступлю с такой легкостью, как это было семь лет назад. Тогда беременная Арина была под властью гормонов, жуткого страха и абсолютной беспомощности.

Новая Арина пережила переезд в чужой город, роды и воспитание ребенка параллельно со сменами в больнице. И в этот раз никакая Алла и ее угрозы не смогут сломить меня.

– Так, – подает голос Варя, когда видит, что я вновь погрузилась в свои мысли, – А твоя свекровь? Не боишься, что она придумает что-то новенькое против тебя.

Не буду врать – сначала я боялась Аллу. Очень. До постоянной тревожности на протяжении всей беременности. До панических атак, когда ты не можешь контролировать свое тело, а в соседней комнате хнычет маленькая Даша.

Я боялась лишний раз выходить с ребенком на улицу, потому что в каждой дорогой машине видела машину свекрови. Я удалила все соцсети, поменяла номер телефона и переехала из большой Москвы в размеренное Подмосковье.

Я успокоилась, когда Даше исполнился год, а Артем был глубоко женат на своей ненаглядной Ульяне. Никто за мной не следил, никто не проверял, чтобы я точно сделала аборт. А, может, Алла знала о ребенке, но и на случай моего появления с Дашей готовила новую пакость.

В конце концов мне стало все равно. На Демидовых и прошлую жизнь. В череде «дом-работа-садик-бессонные ночи» сложно столько времени тратить на страх перед свекровью.

А сейчас я и вовсе чувствую скорее агрессию к этой женщине.

– Варь, – с грустной улыбкой отвечаю подруге, сжимая в руках чашку с кофе, – У меня ребенок при смерти. Я больше ничего не боюсь.

Глава 8

– Мамочка? – шепчет чуть хриплый детский голосочек, пробиваясь сквозь туман до моего сознания.

Три дня прошло. Три слишком долгих и мучительных дня, и, кажется, за все это время я ни разу полноценно не спала.

Справки, анализы, обследования, бесконечные слезы Даши, потому что она боится уколов и не привыкла спать одна, да еще и в больнице. И мои слезы, которые приходится проглатывать, насильно заставляя себя не реветь.

У меня нет на это времени. С каждым днем состояние дочери ухудшается, поэтому приходится держать себя в руках.

– Да, милая? – выныриваю из своего уже привычного полуобморочного состояния и пересаживаюсь со стула на больничную койку, накрывая ножки Даши одеялом.

Она резко стала мерзнуть. В теплой пижаме, носках и кофте – ничего не помогает. Ручки и ножки ребенка постоянно холодные, и это еще одно последствие болезни.

– А умирать страшно?

Вопрос, от которого по моему телу проносится табун мерзких мурашек.

Страшно ли умирать? Сейчас мне кажется, что нет, потому что страшнее всего – видеть, как умирает смысл твоего существования.

– Дашенька… – надо бы сменить тему, но у меня ком в горле и очередной приступ паники на подходе.

Хочется успокоить, сказать, что все будет хорошо, что мы справимся и вообще скоро Петр Владимирович выпишет нас домой, но я не могу.

Потому что все это ложь.

– А еще, – неожиданно восклицает дочь, – Мне сегодня приснился снег. Белый-белый! Только не такой, как в декабре, а самый первый, который ложится на землю и сразу тает.

Секунда, и Даша из грустной девочки с бледными щечками превращается в оживленную, мгновенно забывая про свой прошлый вопрос.

– Снег? – вымученно улыбаюсь ей.

Раньше новогоднее настроение появлялось уже в сентябре, а елку мы ставили в ноябре, не выдерживая томительное ожидание праздника. Сейчас же я даже думать об этом не хочу. Какой Новый год?

Что будет с нами в октябре? А в ноябре?

– Арина Дмитриевна?

Резко поворачиваю голову на голос медсестры.

Сегодня решается судьба моей дочери. В очередной раз ее лечащий врач собирает консилиум других врачей, чтобы по результатам всех анализов, УЗИ и ЭКГ поставить точный диагноз. Окончательный. Тот, на который мы будем ориентироваться в дальнейшем, ожидая операцию.

Страшный срок, сколько мой ребенок сможет прожить без хирургического вмешательства.

– Да, иду, – тру ладонями лицо и выхожу из палаты за медсестрой.

Коридор, лестница и еще один коридор. Женщина в такой же сиреневой хирургичке провожает меня до кабинета Петра Владимировича и уходит по своим делам, обещая заглянуть к Даше по пути.

Удивительно, как быстро дети привыкают к больнице. В первый день ребенок умолял меня забрать ее домой, во второй день Даша ужасно обижалась. А сегодня, кажется, смирилась, спокойно ожидая, когда нам разрешат покинуть больницу.

– Петр Владимирович? – прохожу в кабинет нашего кардиолога, закрываю за собой дверь и сажусь на тот самый стул, где сидела три дня назад, узнав диагноз дочери.

– Да, проходите, Арина Дмитриевна, – кивком приветствует меня мужчина, не прекращая что-то усердно печатать в своем компьютере, – Минуту, и я все вам расскажу.

Минута длится вечность, и чтобы не накручивать себя до панической атаки, я начинаю гипнотизировать пальцы врача, ловко перескакивающие с одной буквы на другую на большой черной клавиатуре.

Он печатает быстро и даже агрессивно, с громким звуком ударяя по каждой клавише. Вообще, все тело Петра Владимировича кажется мне напряженным, будто он собирается сказать мне что-то ужасное.

Чудо, что я продолжаю спокойно сидеть на своем месте и не устраиваю истерику на каждом шагу.

– Итак, – заканчивает печатать мужчина, поднимая голову на меня, – Мы просмотрели с коллегами результаты анализов и УЗИ вашей дочери.

– Что с Дашей? – перебиваю его, не выдерживая это напряжение между нами.

– Все, что я говорил вам ранее, подтвердилось.

Да, это было глупо, но в душе я верила, что первоначально поставленный диагноз окажется ложным. Петр Владимирович посмотрит анализы Даши и успокоит меня – никакого порока сердца нет.

Но он есть, и это значит, что возвращение в родной город, встреча с Артемом и… свекровью неминуемы.

– Сколько у нас есть времени? – спрашиваю мужчину, не узнавая свой голос. Он давно утратил всякую радость в интонации, превратившись во что-то безжизненное и чужое.

– Боюсь, – прокашливается врач, сжимая руки перед собой, – Что то время, которая Даша сможет прожить без операции, сократилось.

– Сколько?

– Два месяца или три – не больше. В вашем случае болезнь прогрессирует слишком быстро, и она долго развивалась незаметно, бессимптомно. Даша сейчас на той стадии, когда операция нужна незамедлительно.

А дальше Петр Владимирович опять говорит про длинную очередь, Германию, Израиль и наши шансы, попутно ободряя меня.

Да, Дашу успешно прооперирует его коллега из Германии. Можно полететь туда прямо сегодня и лечь на операцию уже завтра, но все упирается в деньги.

Большие деньги, колоссальные. Такие, которые я никогда не соберу своими силами.

– Арина Дмитриевна? – зовет врач, когда я уже собираюсь выйти из его кабинета, чтобы поскорее вернуться к дочери.

– Да?

– Предлагаю вам незамедлительно обратиться в детские фонды помощи. Сразу в несколько. Уверен, они помогут собрать нужную сумму. Поверьте, в нашей стране много неравнодушных людей, которые переводят деньги на лечение детям.

***

– Ну что? – подбегает ко мне Варя, стоит только выйти на улицу.

Даше нужно на процедуры, а потом спать, поэтому я еще какое-то время провожу с ней в палате, параллельно изучая информацию про благотворительные фонды, а после пишу подруге, чтобы забрала меня.

У Вари есть машина – старенький форд, на котором мы собираемся доехать до одного из таких учреждений.

Не знаю, зачем мне все эти фонды – кроме Даши, у них достаточно детей, которым лечение нужно было еще вчера. Кто-то борется с онкологией в Израиле и не может продолжить

терапию из-за долга в миллионы рублей, а кто-то ждет своей очереди на пересадку донорского органа.

Всем нужна помощь. Нет детей, кто бы мог с легкостью уступить свое место ради спасения моего ребенка.

Но наверное, таким образом я хочу оттянуть неизбежное или попытать удачу – что угодно, лишь бы не обращаться за помощью к Артему.

– Все плохо, Варь… – в очередной раз с усилием проглатываю слезы и тяжело выдыхаю, садясь в машину и пристегивая ремень безопасности, – Даша сможет прожить без операции два или три месяца. Результаты обследования выявили, что болезнь прогрессировала давно, но заметна стала только сейчас.

Это не новость для меня. Множество патологий начинаются незаметно – вы их не видите и не чувствуете, а болезнь тем временем активно пожирает ваш организм.

Значит, тот вирус, которым мы переболели недавно, не был катализатором порока – он лишь ускорил его развитие. А виной всему, вероятно, стала ангина, которую Даша перенесла пару месяцев назад.

– Ты звонила Демидову? – аккуратно спрашивает подруга, выезжая с парковки на основную дорогу.

– Нет, – отвечаю нервно, стоит только услышать знакомую фамилию, – Нет смысла звонить. Нужно ехать туда и разговаривать лично.

Да, нужно ехать, но ехать страшно. Страшно получить отказ, страшно посмотреть в глаза человека, которого когда-то любила.

А еще дико страшно начинать новую войну со свекровью, и не потому, что я боюсь ее. Каждая такая ссора и интрига – промедление с операцией.

А ссор, интриг и даже драк с этой семейкой будем много.

– Тогда поедем вместе! – слова подруги тут же вызывают тень улыбки на моем лице.

Я нисколько не сомневаюсь в Варе. Если надо, она танком проедется по всем Демидовым. Такой у нее характер – брать от жизни все дерзко, быстро и напористо.

– Поехали сначала в фонд, – киваю на дорогу, – Вдруг удача улыбнется мне, и никакие Демидовы с их кровавыми деньгами не понадобятся.

***

– Арина Дмитриевна?

– Да, это мы! – отвечает за меня подруга, не забывая при этом крепко сжимать мою руку.

Варя волнуется так, что дрожит всем телом. Она очень любит Дашу и переживает не меньше меня.

– Проходите.

Благотворительный фонд помощи детям «Спаси будущее» – самый крупная и распиаренная организация в нашем регионе. Участие звезд, блогеров, масштабные мероприятия, реклама по ТВ с историями подопечных фонда – все это показалось нам с Варей очень многообещающим, поэтому мы сразу приехали сюда.

И правда – офис организации выглядит внушительно. Десятки сотрудников, все бегают по коридорам со стопками документов, в приемной сидят люди, ожидающие, когда их примут.

Нас приглашают в кабинет председателя не сразу. Приходится ждать своей очереди больше часа, потому что сюда приходят по записи, а мы заявились без предупреждения.

– Здравствуйте, Арина…? – с порога встречает нас Инна Викторовна Боровицкая, председатель фонда.

– Дмитриевна, – тут же добавляю, когда вижу, что женщина замешкалась, вспоминая мое отчество.

Хорошо, что имя запомнила и вообще согласилась выслушать нас.

– Здравствуйте, – подает голос Варя за моей спиной.

– Проходите, садитесь, – женщина указывает на два стула, и мы тут же прижимаем пятые точки к месту, чтобы внимательно слушать ее.

– Наш врач собрал все справки, – протягиваю папку с документами, которую передал Петр Владимирович, и внимательно слежу за реакцией Инны Викторовны, пока та листает заключение Даши.

Листает быстро, едва успевает что-то прочитать.

– Ну мне все ясно, – папка резко закрывается, и женщина возвращает ее мне, – Нужна операция, и как можно скорее.

– Да, – воодушевленно киваю, мгновенно заразившись оптимистичным тоном Инны.

А вдруг у них есть возможность помочь нам?

Офис фонда выглядит дорого, сама Инна Викторовна вся в золоте. На столе у нее ключи от иномарки и ноутбук последней модели известного бренда.

У них есть деньги, и это видно.

– Вы уже разместили пост в своих социальных сетях о девочке? – вдруг спрашивает женщина, – Надо каждый день публиковать туда короткие ролики с фотографиями и видео вашей дочери. Возьмите кадры, где ребенок играет, смеется и радуется жизни. Только обязательно наложите грустную музыку. Народ такое любит и охотнее готов отдать последний стольник за жизнь ребенка. Поверьте мне.

Как быстро я заразилась от нее оптимизмом, также быстро возвращаюсь обратно в гнетущую безвыходность.

– О чем вы? – теряется Варя, – Какие ролики с грустной музыкой?

– А вы как хотели? – женщина почему-то смотрит на меня в этот момент, – Думали, я вас приму и сразу деньги на карту переведу. Фонд не резиновый, и сбор денег – ответственность родителей.

– Но как же…

– Вот так, Аринушка! – восклицает Инна Викторовна, резко меня тон обращения ко мне, – Мы, конечно, со своей стороны тоже не будем сидеть без дела. Сделаем пост в группе, разместим фото девочки в рекламном ролике на телеканале. Скажем, в октябре вас устроит?

Пост, ролики, грустная музыка… В октябре…

Мысли превращаются в кашу, когда я слышу весь этот бред.

Какие еще ролики под грустную музыку? Да, я регулярно вижу в социальных сетях такие видео, и родители малышей, кто занимается всем этим – герои для меня. Однако сколько времени пройдет, пока хотя бы один из постов завирусится, и о Даше узнают миллионы человек?

Мы не можем столько ждать.

– Мы пойдем, – вскакиваю с места и хватаю Варю за руку.

Спешно забираю документы, пихаю их в сумку и направляюсь в сторону выхода, не прощаясь ни с кем. Нет смысла тут оставаться, нет смысла давить на жалость. Хватит уже избегать неизбежное.

– Удачи, Арина! – успевает выкрикнуть Инна Викторовна на прощание, и я клянусь, что у самой двери, на секунду обернувшись к женщине, вижу на ее лице ироничную улыбку.

– Что ты делаешь? – встревоженно смотрит на меня Варя, пока мы спускаемся по лестнице на парковку.

А я дрожащими руками достаю из сумки телефон, нахожу сайт вокзала и покупаю билеты на поезд. Петр Владимирович сказал, что Дашу выпишут к концу недели, и он может передать план поддерживающей терапии любому кардиологу, если вдруг мы решим уехать на время.

И мы уедем. Точнее вернемся туда, куда я бы не хотела возвращаться никогда. Потому что семья Демидовых, будь она неладна, – единственное спасение моей дочери.

Глава 9

Где бы я не был
Где бы ты не была
Ты моё небо
От края до рая

«Где бы я ни был», Beautiful Boys

Час остался. Ровно час до того момента, как наш поезд прибудет на станцию родного города.

Что я испытываю внутри?

Ужас, апатию и нервный смех одновременно. Ужас от всего, что происходит с моей дочерью. Апатию, потому что последняя неделя выжала из меня все жизненные силы.

А нервный смех… Кажется, не так я себе представляла возвращение в родной город. Совсем не так.

– Девушка! – резко выдергивает меня из мыслей проводница, с грохотом открывая дверь нашего купе.

Хорошо, что Дашу этот звук не будит, и она продолжает сладко спать на своем месте, не подозревая, какая буря разгорается прямо сейчас. Чем ближе поезд приближается к конечной станции, тем темнее становятся тучи.

– Да? – встаю с места и подхожу ближе, чтобы разговаривать шепотом и не потревожить ребенка. Пусть доспит этот час.

– Собирайтесь, – шепчет проводница, когда видит, что маленький пассажир все еще спит, – Сдавайте белье и стаканы из-под чая.

– Хорошо, – киваю ей и возвращаюсь к дочери.

Убираю игрушки и книжки Даши в чемодан. Сдираю со своей койки все белье и складываю его в аккуратную стопку.

В груди начинает жечь, как только в окнах купе показываются знакомые пейзажи. Поезд замедляется, а вместе с ним и мое сердце, которое я мысленно вырвала из груди семь лет назад. Бросаю взгляд на дочь и опять на окно, где постепенно появляются очертания города.

– Дашуль, – на автомате кладу ладонь на лоб дочери, проверяя, насколько холодная кожа, – Пора вставать.

– Уже? – сонно лепечет ребенок, и я с горечью понимаю, что болезнь медленно, но верно забирает у моей девочки улыбки, смех и активные игры.

Раньше Даша была маленьким «энерджайзером», а сейчас или спит, или рисует, замкнувшись в своих мыслях.

– Да, мы скоро выходим, – помогаю ей сесть и переодеться.

***

– Мам, а где мы будем жить?

Железнодорожный вокзал встречает нас шумом, суетой и невероятно ярким солнцем. На улице давно осенняя погода, но лучи так приятно греют, что я зависаю на секунду с чемоданом в одной руке, а Дашей – в другой.

Здесь ничего не изменилось. Совершенно. Может, только белые линии на брусчатке периодически красят, но на этом все.

– В отеле, – скорее отвечаю дочери, когда понимаю, что мое молчание затянулось, – Мы будем жить в отеле.

На секунду я подумала, что стоит написать дяде Паше о нашем приезде, но быстро отмела эту мысль. Чем он поможет? Да и я не забыла, как он продал меня Алле за пухлый конверт денег.

Поэтому за нами приезжает такси, и мы едем в отель, который я забронировала еще вчера. Простой номер с завтраками, а еще детская площадка недалеко. Кроме того, прямо от здания отеля ходит автобус до детской больницы, где нас уже ждет коллега Петра Владимировича. Пока мы здесь, Дашу будет наблюдать другой кардиолог.

– Мам! – вдруг оживает ребенок, когда видит большое здание цирка, – Смотри!

– Хочешь сходить? – целую сладкую макушку, приглаживая темные волосы.

Наш цирк и правда классный, хотя бы потому что там давно нет выступлений с живыми животными. Как-то завелось, что выступают только артисты, а недавно, судя по большой разноцветной вывеске, они добавили шоу с голограммой.

– Да-да-да!

В цирк так в цирк – куда угодно, лишь бы она почаще улыбалась и так восторженно прыгала на месте, что для нас сейчас – редкость.

А дальше мы проезжаем не только цирк, но и красивую набережную, местный кукольный театр и… офис Демидовых, на который я стараюсь не смотреть.

Дорога занимает всего пятнадцать минут, и отель нас встречает красивым зимним садом прямо в холле на первом этаже.

– Добро пожаловать! – мило улыбается мне девушка в идеально белой рубашке и красном пиджаке.

Раиса – так написано на бейджике.

– Здравствуйте! – радостно отвечает ей Даша, явно получающая удовольствие от нашего «путешествия».

– Здравствуйте, – смотрю на дочь и не могу сдержать улыбку, – Новосельцева Арина Дмитриевна, – протягиваю Раисе свой паспорт, который когда-то сделала мне Алла, и жду, пока девушка оформит наш номер.

«Срочное включение!»

– Извините, я сейчас выключу телевизор, – смущается менеджер, когда на экране слишком громко раздается голос ведущего.

– Подождите!

От моего крика вздрагивают все. И Раиса с Дашей, и я сама.

«Уже завтра пройдут похороны известной в нашем городе семьи – Алла и Леонид Демидовы трагически погибли, разбившись на своей машине. По словам следователя, в супругов, возвращающихся из поездки домой, врезалась фура».

Алла и Леонид Демидовы трагически погибли… Похороны… Завтра…

Боже…

Глава 10

Строгое черное платье, шпильки на остром каблуке и черный платок. Завершаю образ очками, закрывающими половину лица.

Не знаю, зачем я иду на эти похороны. Наверное, чтобы в последний раз посмотреть на тех, кто превратил мою жизнь в ад.

Дашу оставляю в отеле – хорошо, что в нашем номере есть телевизор и детские каналы. Ребенок без страха заявляет, что отлично проведет пару часов без меня.

– Если что-то случится или у тебя что-то заболит… – стараюсь говорить спокойно, но волнение внутри сложно скрыть.

– Я тебе сразу позвоню, – заканчивает за меня предложение дочь, оставляя на щеке поцелуй, – Не переживай, мамочка, все будет хорошо.

Как не переживать? К сожалению, у меня не осталось в этом городе знакомых, кто бы мог посидеть с Дашей. А няня для нас сейчас – дорогое удовольствие.

И так пришлось потратить деньги на одежду, но на похороны к Демидовым в другом нельзя. Если приду в джинсах и свитере, вызову больше внимательных взглядов и подозрений. Но ничего. Платье мне еще пригодится в суде, если Артем не захочет добровольно помогать с лечением дочери.

– Люблю тебя, – говорю напоследок ребенку и скорее выбегаю из номера.

Демидовых-старших хоронят на центральном кладбище нашего города, и как удачно, что до него ездит автобус. Добираюсь до места за полчаса, тут же подбегаю к незнакомой мне группе женщин и изображаю, что приехала вместе с ними.

Кто-то горько плачет, другие хмуро осматривают чужие могилы – на меня особо не обращают внимания, и спустя пять минут пути мы оказываемся на месте. Поправляю на голове платок и встаю под тенью дерева, чтобы со стороны наблюдать за погребением.

Два закрытых лакированных гроба из дорогого дерева. Две вырытые ямы и заранее подготовленные кресты. Уверена, позже здесь поставят памятники из мрамора, а пока могилы «украсят» огромным количеством цветов.

Артема нигде нет – глаза тут же начинают искать мужа, а сердце в груди сжимается от страха.

Я миллион раз представляла эту встречу. Как мы случайно столкнемся где-нибудь в городе или совесть победит, и он сам найдет меня.

Семь лет прошло, и я с трудом верю, что амнезия так долго не проходит, учитывая, что сам Артем на всех видео и фото выглядит вполне здоровым.

– Вы к Алле с Леней? – раздается хриплый женский голос у меня за спиной.

Поворачиваю голову и вижу перед собой пожилую даму. В красивом дорогом платье, с нитью жемчуга и кучей золотых колец на всех пальцах. Это явно кто-то из окружения Демидовых.

Подруга бывшей свекрови? Возможно.

– Да, – киваю, переводя взгляд на два гроба, – К ним.

Я ненавидела Аллу все эти годы. Люто, безжалостно. А сейчас… Сейчас внутри меня пустота, но точно не скорбь по утрате.

– А вы кем приходитесь Демидовым?

Невесткой и мамой их единственной внучки.

– Я когда-то работала в их компании, но ушла в декрет, – на ходу придумываю легенду, – Узнала о трагедии из новостей и не могла не прийти.

– Понимаю вас, – женщина вдруг начинает гладить меня по спине, словно пытается успокоить, – Такое горе, такая утрата… – раздается всхлип, и я тут же нахожу в сумочке бумажный платочек. Всегда ношу их с собой – привычка многих мам.

– А вы? – не то чтобы мне интересно, но так женщина хотя бы перестает плакать, отвлекаясь на нашу пустую болтовню, – Вы давно знали Аллу и Леонида?

– Я – двоюродная сестра Ленечки. Старшая…

Ах, вот оно что. Нет, я знала, что у свекра есть братья и сестры, но особо не общалась с ними. Алла и Леонид не любили показывать меня остальной семье, а я взаимно не любила участвовать в их «великосветских» приемах.

– Мам! Вот ты где.

Резко рядом с нами материализуется молодой мужчина, которого я тоже раньше не видела. Племянник Леонида чем-то даже похож на Артема. Такой же высокий, с темно-русыми волосами и светло-карими, почти медовыми, глазами.

– Сенечка, познакомься…

– Мам, пошли уже, – грубо обрывает ее «Сенечка», подхватывая женщину под локоть и не обращая никакого внимания, – Артем с Ульяной приехали. Давай встанем рядом с ними. Мне надо с братом переговорить по поводу моего стартапа…

Артем с Ульяной приехали.

Стоит парню произнести знакомые имена, как все звуки вокруг меня стихают. Вдалеке показывается священник, люди перестают перешептываться друг с другом и подходят ближе к будущему захоронению. Сотрудники ритуального агентства прекращают подпирать чужую оградку и встают рядом с одной из ям, готовясь опускать гроб.

Делаю шаг назад, чтобы получше спрятаться за своим деревом, и не замечаю под ногами большой корень, выступающий наружу. Каблук моментально запинается об него, нога подворачивается, и я… Начинаю падать, отчаянно размахивая руками.

Эпично.

И еще более эпично, когда падение не происходит. Вместо этого меня подхватывают две сильные мужские руки, помогая вернуть равновесие.

– Аккуратно, – произносит холодный строгий голос, от которого по всему телу проносится табун мурашек.

Артем…

О да. Именно так я НЕ мечтала когда-нибудь встретиться с ним.

– Извините, – сухо отвечаю ему, пытаясь выбраться из стального захвата.

Но он не отпускает.

Продолжает держать за предплечья, наблюдая, как платок медленно сползает с моей головы на плечи. Хорошо, что очки остаются на месте, но они, впрочем, не мешают мужчина пристально разглядывать меня.

Смотрит так, будто прекрасно узнал. С замешательством и яростью одновременно.

Однако следом раздается грубое:

– Ты кто?

И вот уже я начинаю растерянно хлопать глазами.

Глава 11

– Ты кто? – спрашивает он грубо и даже раздраженно, словно это я разрушила всю его жизнь.

От обиды поднимается волна возмущения, а в уголках глаз начинает скапливаться непрощенная влага, но я молниеносно беру себя в руки.

Отстраняюсь, поправляю платок на голове и вновь поднимаю взгляд на некогда любимого мужчину.

Артем Демидов изменился. Из богатенького холеного мальчика он превратился в хищного и властного мужчину – все это легко считывалось по его позе, острому взгляду и мимике. Такой же высокий, но чуть шире в плечах. Немного уставший, но контролирующий каждое свое слово и движение.

Передо мной не тот Артем, за которого я выходила замуж. Сейчас передо мной совершенно чужой человек, но так даже лучше. Проще.

– Никто, – стараюсь, чтобы голос звучал сдержанно, несмотря на бурю, разворачивающуюся внутри.

Это все ради Даши. Если бы не здоровье дочери, я бы никогда в жизни не оказалась здесь.

– С вами все в порядке? – вырывает меня из размышлений знакомый женский голос.

Поворачиваю голову на источник звука и…

– Да, – выдаю свой страх с потрохами, шумно сглатывая слюну, – Все нормально.

Это Ульяна, и по ее взгляду чертовски сложно определить, узнала она меня или нет.

Ульяна Демидова – местная «светская львица», блогер и соучредитель благотворительного фонда помощи бездомным животным. А еще она – жена Артема и, судя по заголовкам некоторых региональных изданий, Ульяна ждет ребенка от моего мужа.

Вот такая ирония.

– Хорошо, что мой муж вас поймал? – зачем-то спрашивает она, не забывая сканировать мое лицо в очках.

– Наверное…

Артем уходит, теряет ко мне всякий интерес и присоединяется к другим прибывшим на похороны, периодически поглядывая на своих родителей в закрытых гробах.

– А вы – родственница Демидовых? – не успокаивается Ульяна, и на ее лице появляется такая странная улыбка, словно она не на похоронах, а на свадьбе.

Радость вперемежку с чем-то хищным.

– Д-да…

– Не помню, чтобы мы встречались раньше, – продолжает она, как-то незаметно хватая меня под руку и уводя в сторону, – Вы со стороны Аллочки или Леонида Ярославовича?

Да чтоб ее!

– Аллы, – отвечаю уверенно, мягко отстраняясь от девушки, – «Седьмая вода на киселе». Мы редко виделись с Аллой Георгиевной, но на похороны я не могла не приехать.

– Понятно, – со зловещей улыбкой кивает Ульяна, в следующее мгновение надевая на свое лицо маску скорби, – Такая утрата для нашей семьи. Алла и Леонид… Они стали для меня вторыми родителями. А еще они так любили Артема… Не представляю, как мы теперь без них.

Немного избитая, но красиво отыгранная речь завершается не менее красивым всхлипом. Если бы мы были не на кладбище, я бы даже поаплодировала мастерству Ульяны.

Но она ведет себя так… Будто не узнала меня. Или это очередная игра?

– Я пойду к мужу? – еще один дурацкий вопрос, вводящий меня в ступор.

Зачем спрашивать?

– Конечно, – киваю и выдавливаю из себя улыбку.

То ли Ульяна намеренно изображает из себя дурочку, чтобы казаться окружающим безобидной, то ли она и правда такая.

Радует, что «новая» жена Артема действительно куда-то убегает, а я возвращаюсь к дереву и продолжаю наблюдать за всем происходящим со стороны.

Удивительно, но похороны проходят очень быстро. Священник читает молитвы, женщины старшего поколения за ним повторяют. Следом оба гроба опускают в ямы и под всеобщий плач закапывают.

Я лишь изредка посматриваю на погребение, потому что все эти полчаса разглядываю Артема.

Он действительно не помнит меня? Даже спустя семь лет?

Или он так же хорошо играет, как и Ульяна? Тогда зачем ему это все?

Вопросов много, ответов ноль.

Дожидаюсь, когда последний человек простится с бывшими свекрами, и сама спускаюсь из своего укрытия к их могилам.

Долго смотрю на кресты.

Леонид Ярославович всегда был тенью своей жены. Полностью погруженный в бизнес, он редко вмешивался в семейные разборки и также редко обращал внимания на меня.

Презирал, не разделял выбор сына, мечтал, чтобы рядом с Артемом была Ульяна – да. Но никогда не говорил об этом прямо, как это делала Алла.

Перевожу взгляд на фото свекрови, прибитое к кресту, и долго всматриваюсь в ее лицо. Здесь женщине около сорока лет. Снимок старый, примерно двадцатилетней давности. Но Алла и в сорок, и в шестьдесят выглядела хорошо. Хотя это несложно, когда у тебя столько денег.

– Это стоило того? – шепчу вслух, не прекращая смотреть на фото улыбающейся женщины, – Все эти обидные слова в мой адрес, интриги и угрозы стоили того, чтобы в итоге оказаться в холодной могиле?

Замолкаю. В горле резко образуется ком боли и страха за Дашу. Алла мертва, и вроде бы препятствий на моем пути стало значительно меньше.

Догнать Артема, вывалить на него наше общее прошлое и попросить денег – уверена, сумма, которая мне нужна на операцию, ничто для него.

И я даже решаюсь на это. Снимаю платок и очки, прижимаю сумку к груди и бегу к выходу.

– Артем! – кричу так громко, насколько позволяют мне легкие, – Арте…

Рывок, мое тело дергается, и я оказываюсь за высокими кустами давно отцветшей сирени.

Это опять Ульяна, а Артем тем временем садится в свою машину и медленно выезжает с парковки.

– Куда собралась? – ехидно спрашивает девушка, больно впиваясь своими нюдовыми когтями в мои запястья.

– Ты что…

– Что? – усмехается Ульяна, – Думала, я тебя не узнаю, Арина? – по буквам выговаривает мое имя она.

– Отпусти! – шиплю, пытаюсь вырваться, но все бесполезно.

– Алла в могиле, но это не имеет значения. Я не позволю, чтобы Артем вспомнил тебя.

Значит, он не знает. До сих пор… Но как?

– А если ты, – продолжает Ульяна, – Еще раз подойдешь к нему или как-то по-другому напомнишь о вашем общем прошлом…

Страх быстро проходит, когда перед глазами появляются кадры, где моя дочь, бледная и холодная, лежит на больничной койке и смотрит на меня глазами, полными слез. Если я буду и дальше бояться, она умрет.

– То что? – вспыхиваю моментально, – Убьешь меня?!

– Убью, – рычит Ульяна, заражаясь моей яростью, – Доведу дело семилетней давности до конца. А я говорила Алле, что от тебя надо избавиться, пока не поздно…

– Попробуй, – перехожу на шепот и резко вырываю свою руку из ее захвата, игнорируя боль в запястье, – Только учти, что я не та Арина семилетней давности. Больше нет той наивной дурочки, и ты даже не представляешь, как я изменилась за эти годы и на что готова ради до… – вовремя осекаюсь, круто разворачиваюсь и ухожу, успевая на свой автобус.

Глава 12

Артем

– Ты точно уверен, что твоих родителей убил отец Ульяны?

Перевожу уставший взгляд на Ростислава Смоленцева, моего лучшего друга и по совместительству адвоката, и понимаю, что от головной боли у меня двоится в глазах.

Точнее – от адской головной боли, которая началась примерно неделю назад.

В последний раз мне так разрывало мозги после аварии семилетней давности. И вот опять. Боль вернулась, и на этот раз она точно убьет меня.

– Да, – киваю и делаю паузу, когда в кабинет заходит секретарь со стаканом воды и таблеткой обезболивающего.

Забираю воду и скорее глотаю спасительное лекарство, откидываясь на спинку кожаного кресла.

– Открой окно, – прошу Роста и, когда свежий ледяной воздух попадает в помещение, окончательно уплываю в эйфорию.

Это то, что мне не хватало целый день.

– Итак, – спустя пару минут ожидания намекает друг, прекрасно понимая, как мне хреново сейчас. Но и откладывать этот разговор мы не можем.

Особенно когда угроза расправы теперь висит надо мной.

– Родителей убили. Это не авария и не несчастный случай. Их убили.

Кто-то, а я примерно понимаю кто, устроил им аварию на одном из самых безопасных участков трассы в нашем регионе. Аварию на ровном месте – так, чтобы погибли сразу трое: наш личный водитель с двадцатилетним стажем, отец и мать.

Без следов вмешательства, без улик, оставляя мне лишь косвенные подозрения. Да, я не могу пойти к тестю прямо сейчас, выкладывая на стол все обвинения, но и верить в несчастный случай я тоже не буду.

Даниил Эрикович Лебедев – «лучший друг» родителей. Они познакомились с моим отцом на заре основания бизнеса. Папа ушел в логистику, а Лебедев в торговлю. То технику продавал, то медицинское оборудование. Однако ни то, ни другое у него никогда нормально не продавалось.

Позже, придя в компанию, я узнал, что все эти годы Лебедев на фурах отца возил контрабанду, а его полудохлая белая ИП-шка была лишь ширмой, скрывающей подпольный бизнес.

До поры до времени.

Пока не ужесточили законы, пока отец вдруг не передумал помогать другу, боясь тюрьмы. Казалось, что и сам Лебедев успокоился, вложив все заработанные деньги в инвестиции и уйдя на вполне обеспеченную пенсию.

Но я ошибался.

– Следующим убьют тебя, – верно отмечает друг, вызывая на моем лице кривую ухмылку.

Рост не иронизирует и не шутит – он прав.

Папа стал сентиментальным. Мечтал о внуке и спокойной старости. Незадолго до смерти он даже успел купить домик на юге Франции, куда хотел переехать с мамой в ближайшее время.

Он думал о безопасном будущем, поэтому полтора года назад прекратил «сотрудничество» с Лебедевым, ошибочно веря, что тот полностью поддержал его решение.

Тесть и правда выглядел так, будто согласен с моим отцом.

«Надо думать о детях и внуках», – как-то сказал он на общем семейном празднике, салютуя бокалом игристого нам с Ульяной.

– Как думаешь, – открываю глаза и снова перевожу взгляд на друга, – Это будет еще одна авария или они подстроят суицид?

Конечно, ни о каких внуках не может быть речи. И тогда, широко улыбаясь моим родителям, Лебедев это понимал.

Между мной и Ульяной ничего нет и не было с самого начала. Однажды мы попытались, но в итоге все закончилось взаимной неприязнью и банальным фиктивным браком ради красивых заголовков в прессе.

– Надо было развестись раньше, – усмехаюсь, вспоминая семь «счастливых» лет семейной жизни.

– Надо было, – соглашается Рост, добавляя, – Но я все равно не понимаю, зачем Ульяне помогать отцу? Настолько любит своего папочку?

– Ага, – новая усмешка, – Обожает.

Ульяна никого не любит, и в этом она полностью похожа на Лебедева-старшего. Ради денег, ради сохранения беспечной жизни – вот для чего женушка с удовольствием перегрызет мне горло по первому требованию своего отца.

Матерью наследника Демидовых она не стала, так хотя бы станет богатой вдовой, а ее папочка продолжит возить на наших фурах контрабанду.

Если, конечно, сможет. Старик несколько месяцев назад пережил инсульт и теперь восстанавливается, не вылезая из больницы.

А мне даже самому интересно, как Ульяна попытается избавиться от меня. В том, что моим палачом будет именно жена, я не сомневаюсь.

Отравить меня она не сможет – я давно не ем дома или что-то самостоятельно покупаю в супермаркете. Лекарства и даже воду из ее рук я пить не стану.

Авария? Банально, особенно после гибели моих родителей по такой же причине.

Сбросит с крыши? Задавит собственноручно? Выстрелит?

Раньше я считал Ульяну безобидной феечкой, которая и мухи не обидит. Но после свадьбы эта фея с вечно хлопающими глазками практически сразу показала свою настоящую сущность – хитрой ведьмы, которая в любой момент тебя проглотит и не подавится.

До сих пор не понимаю, зачем женился на ней тогда. Я ведь не планировал… Но вроде и планировал…

Вспоминаю события тех дней и натыкаюсь на высокую непробиваемую стену. Глупая авария, подробности которой я не помню. Потом кома, долгая реабилитация и брак с Ульяной Лебедевой, который наши родители подготовили за пару дней.

Точнее – ловко воспользовались моей беспомощностью, не дав мне возможности нормально восстановиться.

– А причина какая? – хмыкает Рост, – На голову кирпич упадет?

– Зная Ульяну, примерно так все и будет.

– Не боишься? – в глазах друга вдруг появляется что-то похожее на переживания, но он быстро прячет все намеки на чувства за маской профессионального адвоката.

Ростислав – единственный, кому я могу сейчас доверять. Жаль, что он появился в моей жизни всего пять лет назад. Будь он рядом со мной со школы или, например, университета, все было бы по-другому.

Не знаю почему, но чувствую.

– Боюсь, – честно признаюсь ему, потому что я не супергерой, который может побороть ядовитую змею голыми руками, – Но и умирать от рук подлых крыс не собираюсь.

У меня нет ни свидетелей, ни прямых улик – лишь Ульяна, которая «случайно» оказалась в гараже нашего автопарка за день до аварии, и это зафиксировали камеры видеонаблюдения.

Что она там делала? Как повредила автомобиль без знаний автомеханики? Я все еще разбираюсь с этим.

– Да, кстати, – резко меняет тему Рост, – А что за девушка так красиво упала в твои объятия на кладбище?

Вроде безобидный вопрос, даже слегка шутливый, но почему-то он молниеносно возвращает пульсацию в висках, несмотря на действие обезболивающего.

– Я ее знаю, – вырывается из меня сквозь пелену боли, – Откуда-то знаю, но не могу вспомнить…

Ульяна

– Что дальше? – смотрю на отца и понимаю, что не хочу стареть.

Не хочу становиться такой же дряхлой и немощной, дрожа всем телом и опираясь на палочку, потому что это самое тело еле стоит на ногах.

А еще не хочу в один день остаться ни с чем, существуя на подачки дочери и бывшего друга.

Мертвого бывшего друга.

– Нет времени ждать, – продолжаю, не дождавшись никакого ответа, – Арина в городе. Она откуда-то узнала о смерти Демидовых. Видимо, хочет прибрать Артема и его денежки к рукам, раз Аллы больше нет.

То, что сделала Алла семь лет назад, достойно аплодисментов.

Так жестоко воспользоваться немощностью сына. Лишить его настоящей любви и подсунуть бутафорию в виде меня. Грамотно сыграть на его амнезии и внушить то, чего никогда не было.

И все это не ради любви к своему ребенку, а ради собственного комфорта. Ради статуса, который в нашем мире ценится больше, чем любое светлое чувство.

Первые пару лет брака с Артемом я даже уважала свекровь и во всем слушалась ее. Такая женщина…

Жаль, что ее постиг такой конец. Впрочем… Алла заслужила и это.

В какой-то момент она решила, что я обязана подарить ей внука. Золотого мальчика, который продолжит «священный» род Демидовых.

Однако внук не родился – Артем не горел желанием исполнять супружеский долг, и мегера Алла понизила меня с любимой невестки до одного уровня с дурочкой Ариной – низшего существа, на которого можно смотреть со всем презрением и ненавистью.

– Ты убьешь его, – через пару минут выдает отец, заставляя меня закатить глаза.

У старика не только проблемы с суставами. Похоже, его одолела деменция, потому что в последние дни он не блещет умом.

– Убью, – отвечаю безразлично, будто убить – это то же самое, что и за хлебом сходить.

Но я убью, иначе останусь ни с чем, как отец.

– Я свяжу тебя с одним человечком, – продолжает он, периодически покашливая, – Он все сделает как надо. Чисто и без лишнего геморроя. Менты никогда в жизни не докопаются. Все будут думать, что Артема пристрелили за контрабандистские дела его папаши…

Новый приступ кашля, и в воздухе моментально материализуется сиделка отца, которая тут же приобнимает его и уводит в сторону палаты.

А я остаюсь на месте, молча наблюдая, как сгорбленная фигура папы скрывается за поворотом.

Еще полгода назад он без проблем ходил на своих двоих. Бегал по утрам и плавал в бассейне по субботам.

Потом инсульт, плохие прогнозы и долгая реабилитация.

Долгая и дорогая. И чем дольше папочка находится в частном медицинском центре, тем дороже мне обходится его лечение.

Поэтому, когда на мой телефон приходит СМС с контактами киллера, я не медлю. Набираю незнакомый номер и с кровожадной улыбкой жду, когда на том конце провода ответят.

– Слушаю, – сухой мужской голос, от которого по коже расползаются мурашки.

– Это Ульяна Лебедева, – отвечаю сладко и с придыханием, – Мне сказали, что вы поможете сделать меня богатой вдовой.

Флиртовать с киллером – плохая идея, но я люблю ходить по грани дозволенного.

– Когда нужно все сделать?

Ни имен, ни адресов – моему собеседнику это все не нужно. Он прекрасно знает и меня, и моего мужа.

Знает, где Артем работает, а где обедает. Во сколько он выходит из офиса и в какую машину садится.

– Завтра.

– Жду деньги и приступаю.

Вызов завершается, и в следующую секунду на мой телефон приходит еще одно СМС с данными криптокошелька.

Глава 13

– Мам, а куда мы приехали?

Смотрю на жмущуюся ко мне Дашу и чувствую, как в груди разливается что-то болезненно жгучее, словно вместо крови по венам начинает течь кислота, разрушающая каждую клеточку моего тела.

Я с трудом радуюсь рядом с ней, вымученно улыбаюсь и ненавижу себя, потому что приходится делать вид, что все в порядке.

А это ложь.

Вчера на щечках моей дочери был румянец, а сегодня она отказывалась выходить на улицу без вязаной шапочки и куртки, которые обычно надевала только в конце сентября.

Ей очень холодно. Все время. И даже сейчас детские ручки спрятаны в карманах, потому что я не взяла в поездку перчатки.

– Мы приехали посмотреть дом моей бабушки, – прикладываю недюжинные усилия, чтобы голос звучал ровно и спокойно, хотя так отчаянно хочется расплакаться.

Мы сходили на прием к местному детскому кардиологу, и Даша получает необходимое лечение, которое сдерживает ее заболевание и помогает дожить до операции. Но время все равно не на моей стороне.

– Зачем?

Я сама не знаю, зачем мы сюда приехали. Воспоминания прошлой жизни жалят и вызывают тоску по тому, что уже никогда не вернуть.

Бабушки давно нет. Ее дом медленно, но верно превращается в руины. Но участок здесь красивый. Большой, прилегающий к местному пруду. Надеюсь, у меня получится продать его. Хотя бы за треть цены.

– Хотела показать тебе места из своего детства.

Еще во времена бабушки поселок постепенно угасал. Молодежь переезжала в город, а взрослые или спивались, или вслед за детьми продавали дома и тоже уезжали.

Здесь нет ни заводов, ни лесопилок, ни посадок – глушь, которая в течение пяти или десяти лет окончательно превратится в заброшенное место. Остается только верить, что найдется тот энтузиаст, которому понравятся красивая природа и участок бабушки, доставшийся мне по наследству.

– Мам! – кричит Даша, и я резко выныриваю из воспоминаний детства.

Ребенка нигде нет. Только что была рядом, прижимаясь ко мне всем телом, а сейчас глаза упорно не могут найти ее макушку в красном вязаном берете.

– Даша! – в панике забегаю на участок и, перепрыгивая высокую траву, бегу к дому, – Даша, ты где?

На крыльце ее нет. Дверь в дом закрыта на большой амбарный замок – внутрь она бы никак не попала. Бегу за дом и понимаю, что эта болезнь постепенно превращает меня в параноика. Любой чих дочери, и я готова волосы на голове рвать от приближающейся истерики.

Так нельзя. Знаю.

Но когда каждый день – борьба за жизнь ребенка, сложно изображать, что у тебя все под контролем.

– Мам, я здесь, – раздается новый визг, и мое сердце пропускает пару ударов, – Смотри!

– Иду! – ору в ответ, не переставая сканировать глазами каждый куст.

Надо покосить тут все, иначе участок, больше напоминающий джунгли, я никогда не продам.

– Мама! – радостно встречает меня ребенок, и огромный булыжник тревоги, засевший у меня внутри, где-то в районе груди, исчезает, когда я вижу перед собой улыбающуюся и румяную дочь.

А еще она больше не мерзнет – даже шапку сняла и расстегнула куртку.

Нет, я, конечно, знала, что животные положительно действуют на детей, но не думала, что белая козочка, кем-то привязанная к столбу нашего забора, так повлияет на мою малышку.

Надо бы сделать замечание Даше, чтобы больше не убегала от меня в незнакомом месте. Но сил хватает только на то, чтобы подойти, присесть на корточки и вместе с дочкой гладить мягкое и пушистое тельце козы.

– Нравится? – спрашиваю тихо, чтобы не напугать животное.

– Давай заберем ее себе, – шепчет дочь, вызывая на моем лице широкую улыбку, стоит только представить козу в нашей квартирке.

Хотя…

Если бы коза обладала исцеляющим эффектом, я бы стадо завела. А еще коров и кур, чтобы наверняка – что угодно, лишь бы мой маленький мир жил.

– Мы не можем. У козочки где-то рядом есть дом и владелец.

– Тогда зачем ее оставили, привязанной к нашему забору? – сокрушается ребенок, – Бросили одну…

– Ее не бросили, – спешу успокоить Дашу, пока грусть не довела ее до озноба и слабости, – У нее…

– Арина? Ты? – перебивают меня грубо и бесцеремонно.

Перебивает тот, с кем бы я ни за что не хотела больше встречаться.

Резко встаю, прячу Дашу за спину и со всей ненавистью, которая накопилась у меня за эти годы, смотрю на дядю Пашу.

– Нет, не я, – вырывается из меня яд злости на этого человека.

– Как это не ты? – с глупой улыбкой удивляется он, – А кто это там?..

– Руки! – рычу на мужчину, когда он пытается своими грязными лапищами потрогать Дашу за макушку.

Дядя Паша пьян, и его перегар, наверное, чувствуется за километр. Странно, что я заметила его поздно – отвыкла от алкоголиков в моей жизни. Да и не помню, чтобы он так активно увлекался бутылкой.

– Все-все, не кипятись, – выставляет руки перед собой дядька, – Я просто хотел познакомиться с твоей дочуркой. На папку похожа. Я даже со своим зрением…

– Заткнись! – перехожу на шипение, чтобы еще больше не пугать Дашу.

Мы никогда не говорили с ней о ее папе. Я не врала про командировки или «он улетел в космос». Не придумывала невыдуманные истории, но и не рассказывала ей правду.

Рано еще. Подрастет, а позже я расскажу ей о Демидовых. Кто они и почему от них нужно держаться подальше. Пусть Алла и Леонид больше никогда не навредят моему ребенку, но остается Ульяна. И, судя по нашему «теплому» общению на кладбище, она сделает все, чтобы не делиться деньгами Артема.

– Понял, – громко икает дядя Паша, обдавая меня новой порцией вонючего перегара, – Нем как рыба.

Ну все. Пора прекращать этот цирк.

– Пошли, солнышко, – поднимаю Дашу на руки, прячу ее голову у себя на плече и медленно обхожу мужчину, чтобы выбраться на улицу и скорее убежать на автобусную остановку. Жалко, что следующий рейс через час.

– Арин, – раздается жалобное за моей спиной, – Ты это…

– Все, дядь Паш. Нам больше не о чем говорить. Ты все сделал семь лет назад.

– Арин, – не унимается старик, пытаясь поймать меня за рукав джинсовки, – Да подожди ты!

Круто разворачиваюсь и всем своим видом показываю, что не настроена на общение.

– Что еще?

– Слышал, что Демидовы… того…

– Мы уходим, – продолжаю идти к калитке, по пути цепляя голыми щиколотками крапиву. А я уже забыла, как больно она жалит.

– Арин…

– Нам некогда!

– Аринушка! – всхлип, и позади меня раздается грохот, будто кто-то с высоты кинул на землю мешок с картошкой.

Поворачиваю голову и вижу картину, от которой Станиславский бы расплакался.

– Дядь Паша, – выдыхаю с горечью, когда понимаю, что так просто не избавлюсь от своего «родственничка».

– Давай просто поговорим, – мужчина тут же пользуется тем, что я остановилась, и на коленях подползает ближе, – Как зовут твою доченьку?

– Даша, – за меня отвечает дочь, на удивление спокойно реагируя на душераздирающее представление своего двоюродного дедушки.

– Даша? – переспрашивает он с улыбкой, – А я дядя Паша. Дядька твой… или, Арин, дедушка, получается? Я для Даши – дед?

– Ага, дед, – усмехаюсь не без иронии.

Даже не знаю, кто лучший дедушка для моей дочери – Леонид, который ненавидел меня, или дядя Паша…

– Дашенька, а ты ко мне в гости приехала?

И в глазах дяди Паши столько неприкрытой надежды, что я готова лично вручить ему Оскар. Интересно, в его пропитых мозгах уже появился план, как подороже продать Демидовым информацию о Даше?

– Нет, – качает головой дочь, и в следующую секунду своими словами выбивает весь воздух из моих легких, – Я приехала сюда умирать. Мне так Толик из больницы так сказал.

Глава 14

– У Даши порок сердца, и ей срочно требуется операция. Желательно где-нибудь в Германии – так сказал наш лечащий врач.

Рассказываю сухо и без лишних подробностей. Про обморок и скорую. Про диагноз и предстоящее лечение.

Ни слова про угрозы Аллы и мою тайную беременность, когда страшно было лишний раз выйти за порог съемной квартиры. Молчу и про нашу жизнь все эти семь лет вдали от дома – ни к чему это все. Чем меньше дядя Паша знает обо мне, тем безопаснее.

Даша полностью захвачена игрой с козочкой, а мы с ним сидим на ступенях крыльца и оба, не сговариваясь, смотрим вдаль. На пруд, где до сих пор плавают уточки, а иногда здесь можно встретить даже журавлей. Жаль, что они уже улетели на юг, и Даша не увидит их до следующего лета…

«Если выживет», – предательски добавляет голос в голове.

– Дела… – задумчиво произносит дядя Паша, еще сильнее взлохмачивая седые волосы на голове, – Вот для чего ты приехала сюда. Дом хочешь продавать?

– Хочу.

– Не продашь ты его, Аринка, – «поддерживает» меня мужчина.

– Осенью охотнее покупают деревенские дома, и я планирую продать его за копейки, – упрямо возражаю ему.

– И хватит тебе этих копеек на операцию в Германии? – с грустной улыбкой смотрит на меня дядя.

Не хватит. Он прав.

И вся эта идея с продажей дома выглядит глупо и сомнительно. Никто не купит участок так быстро, и никто не заплатит мне за него ту сумму, которая требуется на лечение Даши.

Надо возвращаться в город. Найти Артема и поговорить. Рассказать ему про дочь и попросить денег.

Звучит просто, но на деле стоит только представить этот разговор, как все внутри сжимается от страха.

Страха, что он откажет, даже не разобравшись. Страха, что придется выбивать из него деньги через суды и тесты ДНК, а у нас на это нет времени.

А еще не стоит недооценивать Ульяну, которая с удовольствием сделает все, чтобы избавиться от нас с Дашей. Только уже окончательно, доделав то, на что не решилась Алла семь лет назад.

– К знахарке вам надо, – неожиданно выдает дядя Паша, заставляя меня вынырнуть из тяжелых мыслей и резко повернуть голову в его сторону, – Баба Ирина и не таких на ноги поднимала.

– К кому? – переспрашиваю, не веря своим ушам.

Я человек науки, годы отдавший медицине. Врачом не получилось стать, но младший медицинский персонал никогда не уступал по знаниям терапевтам и узкопрофильным специалистам.

Знахарки, гадалки, привороты и прочие чудесные исцеления – все это не для меня. Нет, я верю в чудо, и оно даже происходило на моих глазах много раз. Но чудо творили врачи скорой помощи, реаниматологи и хирурги, доставая людей с того света.

Никак не деревенские знахарки.

– У Даши порок сердца, – напоминая мужчине, чувствуя, как ко мне возвращается былое раздражение, – Тебе объяснить, что из себя представляет это заболевание?

Встаю, отряхиваю пыль с джинсов и всем своим видом показываю, что наш «душевный» диалог окончен. Жаль, что дядя Паша не умеет понимать без слов.

– Да стой ты! – мужчина хватает меня за руку и резко разворачивает к себе, обдавая тошнотворным перегаром, – А у тебя есть другие варианты?

– Есть! – вырываюсь и отхожу на пару метров, глотая ртом свежий воздух.

– И какой же? – не успокаивается дядька, словно возомнил себя спасителем всего человечества, – Я так понимаю, Демидов-младший послал тебя куда подальше? Раз ты здесь. Приехала и пытаешься продать эту рухлядь, которую никто в жизни не купит.

– Лучше молчи, дядя Паша, – рычу на него, хватая свой шопер с покосившегося забора, – Даша, ты где?

Дочь так увлечена общением с козой, что особо не реагирует на меня. Она лишь жалобно просит дать ей еще поиграть с животным, а дядька тем временем все никак не успокоится.

– Баба Ира лечит людей с тех времен, когда ты еще на свет не родилась. Она в прошлом году Семенычу вот такую опухоль сдула! – демонстрирует он мне в воздухе размер новообразования, – Врачи отказывались его лечить, а она смогла!

– Дядь… Ты себя слышишь?

– Попробуй, Арин, – теперь его очередь жалобно давить на меня, – Я бы ни за что не предложил тебе это, сомневаясь в способностях Ирины. Она поможет нашей Дашке, и тебе не придется унижаться перед Артемом.

***

Наверное, я полная дура, раз соглашаюсь на авантюру со знахаркой. Дядя Паша умело пользуется замешательством в моих глазах, хватает Дашу и тащит нас обеих через всю деревню к дому той самой бабы Иры.

Вполне современная изба у этой шарлатанки – с пластиковыми окнами, большой спутниковой тарелкой и недешевым забором из профнастила.

– Проходите-проходите, – толкает нас вперед дядя Паша, – Не стойте. Ирина вас уже ждет.

– Когда ты успел предупредить ее? – удивленно смотрю на него, не в силах сделать и шаг на участок женщины.

Все это большая глупость, но стоило дядьке пару раз произнести имя «Артем», как мои мозги окончательно отключились, и я, человек с медицинским образованием, потащила свою тяжелобольную дочь к какой-то шарлатанке в надежде…

В надежде на что?

Поездка сюда, идея с продажей дома, дурацкий разговор с дядей и знахарка – это мои жалкие, трусливые попытки оттянуть серьезный разговор с Артемом.

– Мама, – вырывает меня из вороха мыслей тонкий детский голосок, – А где мы?

– Вы… – спешит объяснить ей дядька, но его тут же перебивают.

Калитка резко открывается, и на нас выбегает несколько больших рыжих кур.

– Привет, козочка, – с доброй улыбкой обращается к моей дочери, судя по всему, та самая Ирина, – В гости ко мне пришла?

Удивительно, но от такого обращения на лице Даши появляется ответная улыбка. Ребенок заметно расслабляется и даже с интересом поглядывает на женщину, вокруг которой громко кудахчут куры.

– К вам, Ирина Петровна, – с тяжелым вздохом отвечает дядя Паша, – С проблемой мы пришли. Серьезной. У моей внучки, Дашки, болезнь…

Что он несет…

– Ты давай, Паш, – опережает меня Ирина, считывая по моим глазам всю злость на дядьку и его умение ляпнуть не по делу, – Оставь нас на часок, а мы пока с твоими девочками чай попьем да поболтаем.

– Понял, – отдает ей честь дядька, еще сильнее подталкивая нас с Дашей вперед. Прямо в руки Ирины.

Заходим, идем вслед за женщиной и непрерывно смотрим по сторонам. Я, чтобы оценить обстановку вокруг, а Даша, чтобы разглядеть как можно больше местной живности.

У знахарки обитают не только куры – стоит зайти за дом, как глаза дочери становятся больше и определенно радостнее.

– Корова?! – с восторгом пищит ребенок, который раньше коров видел только в детских книжках и мультфильмах.

– Да, – кивает Ирина, – Жулькой зовут. Хочешь погладить? – хитро предлагает женщина, – Не бойся, подходи ближе. Она людей любит, не бодается.

– А это точно безопасно? – с усилием удерживаю дочь на месте. Даше уже ничего не надо – отпущу руку, и она на скорости ветра побежит к корове.

– Безопасно, – успокаивает меня женщина, – Моя коровушка еще никого не обидела.

Верится с трудом, но материнское сердце не выдерживает, когда Даша начинает подпрыгивать на месте от нетерпения.

– Мам, можно? Можно? Я осторожно…

– Иди, – сдаюсь, и дочь в ту же секунду забывает про все на свете, аккуратно подступаю к корове.

Животное и правда не обращает никакого внимания на ребенка, продолжая щипать траву. А Даша, к моему счастью, лишь бережно касается пальчиками тела коровы, внимательно разглядывая ее рога.

– Сердечница?

– Что? – не сразу понимаю, о чем речь, с трудом отрывая взгляд от дочери.

– Твоя дочь – сердечница? – терпеливо повторяет женщина, не прекращая заглядывать мне в глаза.

– Да, – сглатываю вдруг образовавшийся ком в горле.

Она могла угадать или вообще… Вдруг услышала наш разговор с дядькой.

– Так и поняла, – кивает знахарка, тяжело вздыхая, – Сколько детей сейчас болеет. То онкология, то сердце, то почки. В какое время мы живем?

– Откуда вы узнали? Высшие силы подсказали? – вырывается из меня ирония.

– Я больше тридцати лет проработала фельдшером в соседней деревне, – спокойно отвечает женщина, игнорируя мою колкость, – А до этого в городе окончила медицинское училище.

– Теперь понятно, как вы лечите людей. А дядя Паша говорил, что вы чуть ли не чудеса творите.

– Чудеса Бог творит, – терпеливо объясняет Ирина, – А я его руками направляю людей на верный путь.

– И какой у меня путь?

– В город тебе надо и срочно. Бери у Пашки машину и поезжай прямо сейчас, пока не поздно. Ребенок твой у меня побудет. Я ее обедом накормлю, – вдруг серьезно произносит Ирина, мертвой хваткой удерживая меня за запястье.

– Мы, пожалуй, поедем в город вдвоем и на автобусе, – сглатываю вязкую слюну и делаю крохотный шаг назад, продолжая удерживаться в захвате женщины.

– Делай, как я говорю, – строже повторяет знахарка, – Иначе с первым снегом твоей дочери не станет.

Глава 15

С первым снегом твоей дочери не станет…

Большей ереси я не слышала! Хочется накричать на женщину, оттолкнуть, схватить Дашу и убежать отсюда поскорее, но тело не слушается.

Смотрю в глаза бабки и не могу оторваться, а мышцы тем временем сильнее каменеют, словно свинцом наливаются.

– Оставь Дашу со мной, – продолжает Ирина, – Опасно ей с тобой сейчас ехать. Она у меня пока побудет, а ты беги к Пашке и бери его машину. На автобус все равно опоздали.

Наконец вырываю свою руку из ее тисков и смотрю на наручные часы.

Опоздали…

А следующий автобус только через три часа, если вообще приедет. Направление малопопулярное, и ездят сюда не всегда по расписанию.

И такси не вызвать. Черт!

– Даша! – кричу дочери, – Мы уходим!

– Ты не понимаешь? – строго, словно учительница, произносит бабка, – Первый снег выпадет, и твоя дочь умрет.

– Да что вы говорите! – кричу теперь уже на знахарку, – Это вам высшие силы подсказали?

– А тут и гадать не надо, – усмехается она, – Озноб у Даши есть? Под глазами вон какие черные синяки. Что врач сказал? Сколько ребенок продержится до операции?

– Два-три месяца… – пораженно выдыхаю.

Август заканчивается. Остается сентябрь, октябрь… Ноябрь…

Снег в нашем регионе выпадает в конце октября или в первых числах ноября. Он, конечно, сразу тает, но все же…

– Бери машину Пашки и срочно в город! – с выпученными глазами повторяет Ирина, – Ты и без меня знаешь, что только он спасет твою дочь. Не поедешь прямо сейчас, опоздаешь и дочь потеряешь.

Возражения застревают в горле вместе со спазмом, из-за которого я с трудом могу дышать. Тело оживает, но с ног до головы покрывается мурашками. Резко становится холодно, словно вся кровь застыла в венах.

Не знаю, что со мной. То ли гипноз, то ли психика не выдерживает такое количество эмоций, но я делаю ровно так, как просит… Нет, не просит, а буквально приказывает эта женщина.

Оставляю ребенка какой-то незнакомой бабке и своему ненадежному дяде, беру его старую и ржавую машину и выезжаю в город.

Во всей это сюрреалистичной ситуации радует только одно: Даше определенно на пользу наше приключение. Стоит ей только услышать, что баба Ира собирается доить корову, как ребенок напрочь забывает, что у нее вообще-то есть мать.

– Записал мой номер? – внимательно смотрю на дядьку, который, кажется, за время, пока мы общались со знахаркой, успел почистить зубы и побриться.

– Записал-записал, Аринушка, – энергично кивает он, – Я залил в свою ласточку немного бензина. У соседа выпросил одну канистру. Должно хватить на город и обратно.

– Хорошо, – сажусь в его ржавую рухлядь и чудом вспоминаю, как управлять такой машиной.

Завожу двигатель, открываю окно и на этот раз обращаюсь к Ирине:

– Пожалуйста, не забудьте дать ей после обеда таблетки, – прошу женщину, и под ее заверения выруливаю на дорогу, медленно выезжая из деревни.

Путь до города на машине дяди Паши занимает практически два часа, и еще час я трачу, чтобы доехать до офиса Артема. Еду медленно, осторожно, не привлекая к себе внимания.

Права остались в чемодане в отеле вместе с остальными документами – если меня остановят, все пропало.

– Вот черт! – вырывается из меня, когда из дверей офиса выходит Артем.

Он долго смотрит по сторонам и только после широким шагом идет к своему седану, а дальше все происходит как в самом худшем боевике…

Нет времени искать парковочное место, поэтому я давлю на газ и под противный визг шин паркуюсь прямо перед Артемом, заезжая одним колесом на тротуар и отрезая ему путь к седану, где его уже ждет водитель.

– Какого… – в явном шоке реагирует мужчина, которого только что чуть не переехали на грязной ржавой девятке.

– Артем!

Не глушу двигатель, выпрыгиваю прямо на бывшего мужа, пока тот не успел очнуться и сбежать.

– Ты с ума сошла? – кричит он на меня, в ужасе рассматривая машину дядьки, словно никогда не видел ничего подобного.

Понимаю. Сама удивлена, как эта консервная банка еще может ездить, но времени на прелюдию у меня нет, поэтому:

– Знаю, что мои слова прозвучат, как бред, но у тебя есть дочь Даша, и ей срочно требуется дорогостоящая операция в Германии. Счет идет на дни, и только ты ей можешь помочь.

Я вываливаю на него все. Про нашу тайную свадьбу на юге, про мои взаимоотношения с его родителями, про аварию и подставу Аллы, на которую я с такой легкостью купилась. Про ее шантаж и мой побег из города. Про рождение Даши и ее недавний обморок. Про скорую, диагноз и прогнозы врачей.

Я выворачиваю себя наизнанку и чувствую, как по щекам начинают течь слезы – остается только на колени встать и сложить ладони в умоляющем жесте.

Заканчиваю речь и впервые поднимаю глаза на Артема, чувствуя, как во рту медленно образуется горечь разочарования.

Его лицо похоже на маску – ни боли от правды, ни любопытства, ни банального сочувствия моему горю. Он смотрит на меня безразлично, словно я не первая, кто пытается навязать ему больного ребенка.

– Все сказала?

– Да, – медленно киваю, чувствуя, как умирает моя последняя надежда.

– Мне пора.

– Вот так просто?

– А ты как хотела? – усмехнувшись спрашивает мужчина, а меня не покидает ощущение, что я противна ему.

Словно весь мой вид и голос вызывают у него нестерпимую головную боль и рвоту – так мне показалось еще на кладбище.

– Я подам в суд на установление отцовства.

– Подавай, – вырывается смешок из Артема, а в следующую секунду он резко хватает меня за талию, поднимает в воздух и переставляет в сторону, освобождая себе путь к машине, – Встретимся в суде.

Вот и все.

Честно, примерно так я и представляла нашу с ним встречу. Хочется наорать на Артема, подбежать и со всей силы ударить – лучше в затылок. Вдруг его мозг встанет на место, и воспоминания вернутся.

Но вокруг слишком много камер, а Артему остаются считаные метры до своей машины. Вот он приветственно кивает водителю, тот с улыбкой что-то говорит ему и тянет руку к двери седана, чтобы открыть дверь.

В моей голове Артем садится в машину и уезжает, оставляя меня ни с чем. Но Артем не садится и не уезжает.

Я не сразу понимаю, что произошло. Раздается хлопок, следом взрыв, а уже через секунду моей кожи касается волна жара.

Это взрыв! Самый настоящий.

Не в фильме про бандитов из девяностых, не в новостях, а прямо передо мной. Водитель открывает перед Артемом дверь, и машина тут же взрывается, заставляя сигнализации соседних автомобилей громко орать на всю округу.

– Артем, Артем… – тараторю, заикаясь, когда замечаю, что рядом со мной лежит тело бывшего мужа. Видимо, взрывная волна отбросила его прямо к моим ногам.

– Помоги… – хрипло шепчут его губы.

Дорогой костюм где-то порван, а где-то сгорел. Лицо все красное от ожога, а в глазах… Нет, не шок, который по идее должен быть у человека в такой ситуации. В глазах Артема ярость, но уже не ко мне.

– Что мне сделать? – выключаю эмоции и включаю в себе медсестру, – Где болит?

– Если хочешь спасти свою дочь, – сипит Артем, впиваясь пальцами в мою руку, – Сначала спаси меня.

– Что?..

– Если меня убьют, – с трудом повторяет он, – То я не смогу помочь тебе…

Больше мне объяснять не нужно. Не знаю, откуда берутся силы, но я хватаю Артема под подмышки, помогаю себе одним коленом и кое-как запихиваю его на задние сиденья своей машины.

Пока все вокруг истерят и пытаются дозвониться до скорой, я аккуратно проезжаю горящий седан Демидова и… Замечаю Ульяну на другой стороне улицы.

Она в толпе, едва заметна, но мои глаза почему-то сразу находят знакомую женскую фигуру.

Ульяна Демидова не спешит к машине своего мужа. Она не плачет и вообще никак не реагирует на происходящее. На лице этой стервы ни горе, но и не радость. Там все хуже.

Она смотрит по сторонам с каким-то болезненным триумфом, и как же некстати машина дяди Паши выдает из себя хлопок именно в этот момент, заставляя Ульяну обратить внимание на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.